

A surreal landscape featuring a vibrant rainbow arching over a body of water. In the foreground, a woman with long, dark, wavy hair is seen from behind, looking towards a woman in a long, flowing red dress who stands on a path leading towards the rainbow. The scene is bathed in warm, golden light, suggesting a sunset or sunrise. The overall mood is dreamlike and ethereal.

Игорь Райбан

Испания

Игорь Райбан

Испания

«Издательские решения»

Райбан И.

Испания / И. Райбан — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908563-4

Друзья! Это сборник двух частей из цикла «Испания», плюс небольшой анонс продолжения дилогии, новой книги — «Испания. Журавли летят на Юг».

ISBN 978-5-44-908563-4

© Райбан И.
© Издательские решения

Содержание

Испания. Кровь и вино	6
Вольному воля или неволя	23
Длинная дорога домой	35
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Испания

Игорь Райбан

Художник Ася Оболенская

Поэт Эмиль Широкий

© Игорь Райбан, 2018

ISBN 978-5-4490-8563-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Испания. Кровь и вино

Сон во сне.

Сны более чем реальны, когда мы в них находимся, и только проснувшись, осознаем, насколько они необычны...

Солнце, вставая в апогей, мазнуло тонким лучиком в не заделанную щель, сквозь большую прореху, между грубых неотесанных досок, проникнув в потаённые глубины. И он пополз по земляному полу, медленно подбираясь к травяной куче, почти истлевшей соломы.

Пройдя до самого края углов, посланец солнца принялся неприметно нагревать груды соломы и трухи.

Куча сена зашевелилась, взъерошивая верхушку копны.

...Я проснулся от слишком наглого луча солнца, пробившегося в старый сарай, как трусливый заяц, позволивший себе заглянуть в медвежью берлогу. Мне снился необычный сон:

Почему-то очутился в странном месте на непонятной планете.

После появления пошел по поверхности планеты, холодной и одинокой.

Я ходил по планете, оказавшись абсолютно голым, совершенно без ничего. Обнаженное, человеческое тело, на глазах стало покрываться каменистой, нарастающей коркой, защищая от вредных космических воздействий. Каменные наросты проступали, постепенно выползая на лицо. Я отдирал их крича от боли, не желая становиться зверем—оборотнем, отлепляя каменную чешую, вместе с кусочками кожи и мяса.

Но страшный процесс казался необратим: выросшая чешуя обволокла тело, превращая в огромного ящера—мутанта.

Окончательно обратившись в мутанта, снова отправился бродить по планете, но никого не нашёл.

Сверкающая белая мерзлота, покрывавшая планету, искрами лежала в моих очерствевших ладонях. Склоняясь на колени от бессилия, что нельзя ничего изменить в мертвом течении вечности, от тоски завыл от одиночества, издавая нечеловеческие звуки.

Я осторожно потянулся телом, отряхиваясь от прилипшей соломы, находясь в плену необычного сна. Надо же, приснится ведь такое, странное видение, и вроде всё в порядке: тело как тело, никакой каменной чешуи на нём не было.

Так, но где очутился на сей раз, очнувшись в заброшенном сарае?!

А что за глюки? Взглянув на ладони и руки, обомлел... Они не мои!

Что произошло такое?

Одежда – будто снятая с чужого плеча!

И тело моё дражайшее – да куда оно подевалось со своими родинками, родными шрамами и прыщами, и во что превратилось, чёрт возьми!

Тело—то человеческое, но не привычное.

Желая выругаться вслух матом, для поднятия духа, открыл рот.

Но из него вырвались странные гортанные звуки: «la mala leche!» (что за черт!) Но язык почему-то понимал. Вот я попал, что за наваждение такое!

В аномалию зонную, что ли, вляпался по пьяни в очередной раз.

Такое случается иногда после дружеских попок у костра с другими вольными. Потому вот и голова зудит, причём как с глубокого похмелья, толком не соображая, где и что я.

Поднес ладони к лицу, покрытые смуглой, загорелой кожей с грязными, давно невымытыми пальцами и ногтями, осторожно ощупывая его.

Наростов или корост, нависших на лице, не было. Уже лучше.

Но опять же чужое лицо!

Нос с горбинкой, другой череп, тонкие усики, да и волосы – длинные, черного цвета, отросшие до самых плеч, спадающие на лицо при каждом резком движении головой.

Похлопал ладонями по одежде и карманам, первым желанием найти простое зеркальце, дабы узреть незнакомую рожу.

Но все карманы пустые, словно в них ночевала церковная мышь, да и мало их в наличии в этом цирковом наряде, словно я был шутком и сбежал из циркового балагана. Одежда чудная и ненормальная, будто взятая напрокат из кладовки дурдома.

Пуговицы на одежде наличествовали, но их было мало, и причудливо изготовлены.

Грубая кожаная куртка старинного покроя, пошитая толстыми нитками.

Рубаха – без обычных пуговиц и молний, на веревочках—завязках, покрытая вышитыми вензелями, сделанная из толстой ткани.

Штаны, кожаные сапоги до колен на шнуровке: всё непривычно и непонятно.

Комплекцией, ростом и весом ново обретенная оболочка походила на привычное тело. И то хорошо, одеяние пришлось впору, не будет спадать или стеснять движения – не ходить же голым по свету, как в том сне, надеясь что взрастится новая шкура.

К телу стало быть, не нужно привыкать к нему, или уже поздно привыкать?! Если ещё придётся ходить по свету. Я жив или мёртв, или то и то сразу?! Ладно, будем думать дальше, что делать теперь.

Закрыв глаза, ушипнул изо всей силы за руку, пытаюсь проснуться окончательно, и снова обратится в обычного проводника Джоника,

где-нибудь в родной Зоне Отчуждения, а не в роли сбежавшего психа.

Подскочив на месте от боли, открыл глаза оглядывая себя и обстановку.

Увы и ах, всё напрасно и ни к чёрту!

Все осталось таким же: ладони, лицо, одежда.

Старый чёртов сарай стоял на месте, никуда не исчезая.

Схватившись за непривычную голову, присел на копну, пытаюсь вспомнить последние события, произошедшие со мной.

Старая память, то есть долговременная, осталась неповрежденной.

И помнил всё, вызывая из памяти отрывки событий. Меня зовут Джоник...

Помнил Зону с неизбежно страшной, поисковой миссией, случившейся в конце уцелевших воспоминаний. Вот она, наверное, причина всего.

Начиная обрывками восстанавливать в памяти последние детали событий: Так. Вот спуск. Вот туннель—чистилище, где мы лишились сталкера, здоровяка Бороды.

Из обваленного туннеля мы выбрались, пройдя по пещере, наполненной руслами подземной реки «Стикса».

Мертвый Город, где попали в очередную ловушку, устроенную десятком контролеров. Снова безвозвратно потеряв члена команды, балагура Михея. Потом подземная лаборатория X -16, расположенная на окраине Мертвого Города. Неравный бой с киборгом-«прототипом» из проекта «Отступник»... Так. Уже горячо.

Тут голову сдавило, словно стальным обручем, как тисками.

Стоп. Надо дать небольшую передышку перенапряжённым мозгам.

В животе заурчало, напоминая о хлебе насущном.

Наконец смекнул, что в этой сиротской сараюшке может что-то ещё находиться здесь, может нычка чья та из старателей, или заначка.

Да должно хоть что-то остаться или быть: еда или припасы, может быть полезные вещи, в конце концов.

Потому, разворошив копну до конца, на которой пребывал, обнаружил без особого удивления, холщевый мешок завязанный на узел, с широкой лямкой для ношения, как у современного рюкзака.

Рядом с ним на земляном полу сарая лежал необычный пояс: кожаная португеза для оружия из давних времён. Всё выглядело в виде трёх скрепленных между собой ремней с двумя вложенными в ножны клинками. Со вставками для ношения клинков сделанные как сумочки: из соединённых заклепками отрезков кожаных ремешков.

В них то и вставлялись короткие ножны клинков, с обрезанными наконечниками.

Осторожно, по очереди вытягивая старинные клинки из ножен, внимательно осмотрел их. Затем, попробовал наносить удары, взмахивая каждым клинком несколько раз в воздухе, с резким свистом.

Один клинок большой, вроде шпаги или рапиры с чашеобразной гардой.

Другой клинок поменьше, с локоть длиной.

Массивная гарда клинка сделана в форме хитрого крюка—зацепа.

А ещё валялся, небрежно сложенный на земле, грубый кожаный плащ в обнимку с войлочной широкополой шляпой.

Аккуратно развязал мешок, и достал из него нехитрые пожитки потерявшегося хозяина: небольшая книжка с надписью «biblio»; пучок перевязанных свитков; две закрытых шкатулки из кости, наверно, слоновой; разные мелочи и безделицы, милые сердцу бывшего владельца.

Но в мешке не оказалось ничего из съестного. От слова совсем.

Ладно, придется претерпеть голод некоторое время, продолжая дальше напрягать память, чтобы восстановить произошедшие события.

Предыстория тех событий, происходивших в лаборатории X-16.

Душа Черного Сталкера затерялась во временном континууме исторической эпохи Земли, при испытании в работе специального устройства, «перемещателя» во времени.

Изобретено российскими учеными, потом доведено до ума «прототипом» под руководством Хозяина.

Зона Отчуждения представляла растущую угрозу для всего живого на планете в связи с далеко идущими, секретными планами и технологиями некоторых государственных деятелей.

В качестве сдерживающего фактора, в случае наступившей реальной угрозы для человечества, Черный Сталкер вместе Хозяином решили кардинально исправить историю Зоны: попробовать переместиться в 1986 год, предотвратив взрыв на ЧАЭС.

Черный Сталкер, остался единственным из выживших сотрудников атомной станции, знающим как это сделать.

Да, они оба понимали, что могут исчезнуть с лица Земли, но зато человечество будет спасено от власти киборгов – людей.

И тут произошел сбой, при первом начальном испытании этого аппарата.

Я снова напряг мозг, вспоминая детали той знаменательной встречи подробнее. Перед мысленным взором разворачивалась история событий, происходивших в заброшенной лаборатории X-16.

...Из всей моей группы остались трое: Анна—Лиса, Крест и я.

Мы находимся в подземелье бункера. Ага, и вот Хозяин Мертвого Города дает задание: найти душу Черного Сталкера.

Она затерялась во временном континууме исторической эпохи Земли.

Хозяин отправит меня на поиски этой Души примерно в тот временной отрезок течения времени, где должен буду найти этого человека, в которого случайно вселилась эта Душа.

Если я окажусь рядом с ним и потом всё сделаю правильно, то Душа вместе со мной вернется обратно, на положенное место.

Обретя долгожданный покой и свободу.

Взамен Хозяин дарует всем свободу и жизнь, отправляя нас, куда мы пожелаем.

...Память медленно, по фрагментам возвращалась. Значит, перемещение удалось. С этим понятно: сознание с помощью «скафандра» переместилось в тело местного неудачника.

Осталось дело за малым: найти нужного человечка и вернуться домой.

Все просто, да на словах. А на деле сплошные будут овраги.

Но где я оказался, вот ещё вопрос, в какие времена попал?

Ясно, что в давние, судя по одежде, да неприглядной внешности.

Хорошо, разберемся как-нибудь.

Восстановленная память, вернувшись, вновь поставила передо мной ряд неразрешенных вопросов. Имеется неизвестная примета, по которой можно определить нужного человека, и некая инструкция.

К тому же, Анна, наверно, переместилась сюда или немного подальше от меня, сместившись во времени.

Её следы нахождения, конечно, хотел отыскать в этом мире, надеясь в душе, что ей тоже повезло.

Я – проводник, поэтому должен узнать о судьбе членов своей команды, где и что с ними случилось, а может где нашли последнее пристанище.

Да и оставались вопросы: куда занесло, в какое конкретно время и так дал её. Ясно, что ничего не ясно!

Для начала надо постараться выйти из сарая, если получится.

Спертый, с гнилым запахом, воздух сарая давно сидел в печёнках.

Пришлось обратно побросать пока ненужные вещи в мешок, вместе со сложенным плащом.

Завязал длинные волосы веревочкой, сделав из них подобие косички.

Перевязь с клинками закинул на плечо вместе с мешком.

Рывком толкнул плечом дверь сарая.

Она, жалуясь мне, скрипя всеми подряд гнилыми костями, распахнулась, наотмашь столкнувшись о стенку сарая.

И вот я на привольной свободе, без сожаления покидая вонючую постройку для скота.

С наслаждением втянул воздух, такой теплый, напоенный ароматами весны, душистый и сладкий воздух жизни.

Яркое солнце ударило по глазам, заставив зажмуриться.

Теплый, нагретый ветер встрепал косичку.

Вот и применение шляпе нашлось, которая находилась в руке.

Накинув её на голову, немного привыкая к местности, осмотрелся по сторонам. Получалось, что вышел из сарая, находящегося на отшибе безлюдной, разрушенной деревни средневекового вида.

Деревня стояла в кружевах густых, зеленых ягодных кустарников винограда. Рядом растилась проселочная дорога, уходящая вдаль.

По обочинам дороги прорастала цветущая диковинная цветочная трава с крупными цветками.

Солнечный пейзаж украшен необычными развесистыми деревьями, изредка стоявшими по стороне дороги, посылая невысокую тень и прохладу на зеленую благодатную землю.

Нет: не березы с черно—белыми стволами, не ветвистые дубы, не родные глазу ивы, не тополя или сосны с острым ароматом хвои.

Совсем нет. Судя по обстоятельствам: речевому языку, вещам, клинкам, природе – я оказался где?

Значит, по всему выходило, в Испании, около средних веков.

«Благословенная Испания», – вырвалось из меня непривычными звуками речи: «Bendita Hispanio».

Да, земля совершенно нетронутая цивилизацией.

Ни вечно висящих проводов со столбами, ни асфальта с машинами, загрязняющими воздух. Ничего. Натуральная жизнь и производство.

Рай – одним словом!

Задумавшись над этими мыслями, заметил, как на пыльной дороге, вдалеке на светлом горизонте, показались силуэты скачущих всадников.

Пять конников с развевающимися плащами вздымали желтую тучу пыли копытами коней.

Обрадовано подошел к дороге, становясь посередине, надеясь остановить неизвестных всадников.

Когда всадники достаточно приблизились, чтобы можно разглядеть лица, обрадовано снял шляпу, размахивая ей из стороны в сторону.

По инерции открыв рот, хотел поздороваться с ними по-нашему, разузнать где нахожусь, может они едой угостят, но из горла вырвалось совсем другое созвучие:

– Buenos días, buena gente! (Добрый день, добрые люди!)

Лошадь переднего всадника, чьё лицо исказилось от злости, взвилась на дыбы, яростно осаживаемая уздой. Гарцую передо мной, ворочаемая всадником под плёткой, она словно намеревалась затоптать меня:

– ¡Quitate de mi camino! Bastardo! (Прочь с дороги, бастард!)

Вот это номер! Да, теплый приём ожидал от местных аборигенов!

Где ваше гостеприимство и радушие?

Наверно, меня приняли за какого-нибудь местного дурачка бастарда, в таком неприглядном одеянии, недавно вышедшего из деревенского сарая.

Хотя, всё так оно и есть.

Ладно, спрошу ещё раз, как полагается, вежливо.

Так и сделал, не сходя с места.

– Estar sin un clavo, tengo hambre canina, ayude, buena gente! (я очень голодный, без гроша в кармане, прошу вас, помогите, добрые люди!)

Подоспевшие всадники группы, спешили с взмыленных коней, с усталостью соскакивая на пыль дороги, и окружили вместе с первым всадником.

Спрыгнув с коня, он со злостью, на гортанном языке выкрикнул:

– Eres un burro, no lo entiendo? (Ты, осел, не понял, что ли?)

И тут же споро, надолго не откладывая, выхватил с наплечной перевязи уже обнаженный клинок, готовый к бою.

– Cartel, Te desafío, reto, estar cagado? (Вызываю тебя на дуэль, или боишься?)

Испанец презрительно смотрел, выжидая, как отреагирую на это предложение, от которого нельзя отказаться. Или можно?

Он не шутил, судя по выражению лица и злобному виду.

Ого, как всё быстро у них такое происходит. Вжик – и ты уже на небесах.

Только, видимо, уклонение от вызова на драку считается проявлением трусости, а трусость не приветствуется ни в какие времена.

Что ж, придется подыграть по сценарию.

– Calma, calma, señores! (Спокойно, спокойно, сеньоры!) – вскинув руки вверх, показывая всем, что неопасен, сбросил мешок с вещами на обочину.

Беря в руки перевязь с клинками, готовясь к неожиданному поединку.

Но, внезапно вспомнив о библии, находившейся в мешке, произнес:

– Deje de orar antes de morir. (Дайте хотя бы помолиться перед смертью).

Окружающие сеньоры галдели между собой, отчаянно жестикулируя и потрясая вынужденным оружием, постоянно перебивая друг друга на каждом слове. Горячий народ, однако,

испанцы. Вроде наших кавказцев или чеченцев. К тому же толком не понимал, что одновременно произносятся незнакомые люди. Моё сознание, сознание Джоника, ещё не привыкло к языку. Об истории Испании, о самих испанцах и их нравах и обычаях существовало самое смутное представление из школьного учебника истории. Так что можно смело сказать: я не имел никого понятия и представления о месте, где очутился. Понятно, что Испания.

Вопрос в том, как выживать в этом мире, не зная ничего о нем.

Я разобрал лишь пару выражений, произнесенных спорящими вокруг сеньорами:

– *Al diablo con la oración, que comienza a la causa!* (К черту все молитвы, пусть приступает к делу!)

– *No se puede, así no se esperaba, se deja de orar ante dios!* (Нельзя так поступать, так не положено, пусть он помолится перед смертью, прежде чем предстать перед лицом Всевышнего, господя нашего!)

Действуя скор её по наитию, я нагнулся, положив перевязь рядом, аккуратно развязал мешок, доставая оттуда маленький томик испанской библии.

Разогнувшись, раскрыл томик, непонимающе уставясь туда, пытаюсь хоть что-то разобрать в анахроничных закорючках.

Речь то я понимал, разговаривал даже, но в письменности ничего не разбирал.

Видя замешательство, подошел молодой на вид парень, не особо спорящий из всех. Он представился, с достоинством сняв шляпу, обратившись со словами:

– *Yo lope, Garcia de Castro.* (Я Лопе, Гарсия де Кастро).

– *El estudiante canónigo, el santo monasterio de los franciscanos.* (Студент, каноник святого монастыря ордена францисканцев.)

– *Señor, vamos yo te ayudaré, si usted está en la dificultad?* (Сеньор, давайте я помогу вам, если вы в затруднении?)

С облегчением выдохнув, передал библию де Гарсия; он учтиво, с манерами настоящего сеньора взял из рук библию, произнеся:

– *Repite conmigo, señor. Que dios te ayude.* (Повторяйте за мной, сеньор. Да поможет вам бог).

Молодой каноник приступил к неожиданной мессе, стоя прямо на дороге.

Остальные сеньоры притихли, выстроившись шеренгой на другой стороне обочины, сняв шляпы как один, отпустив своих коней мирно пастись неподалеку от дороги пощипать сочную, испанскую травку.

Из всего происходящего, сделал вывод, что испанцы набожный народ: богослужение и религия у них стоит на первом месте, наряду с принятием пищи, питья и другими потребностями человека.

Не стану вас утомлять различными подробностями, но в Испании было одновременно три религии с X по XIV века: ислам, иудейство и христианство католическое.

Плюс существовало течение «единобожие», как ни странно.

Было два правителя страны: один христианский король и мусульманский эмир или халиф.

Потом возникло движение, названное понятием «святая инквизиция».

Святая инквизиция – слова из латинского языка: «*Pravitatis Sanctum Officium*».

Так что всё было сложно и неоднозначно в те давние времена.

Кстати, у Томаса Торквемада фамилия выдуманная, взятая с названия местечка, где он вырос: городок Торкемада.

Взял ли он сам эту фамилию, или потом хронисты присочинили – история об этом умалчивает.

Каноник пролистнул библию, находя подходящую молитву, нараспев декламируя текст молитвы на звучном языке.

Подхватив темп голоса каноника, я вторил вслух слова молитвы, словно высеченные из камня.

Остальные кабальеро, стоявшие на обочине, дружным хором повторяли слова. Но тут каноник осенил себя крестом, другие сеньоры тоже начали креститься.

Я то раньше в православных церквях бывал иногда, но особо не знал всех правил церковных, да и движения рук у сеньоров совсем другие.

Вот блин, не ошибиться бы тут на ровном месте, а то тут инквизиция есть: всплыло в памяти из школьного учебника.

Скосив глаза, подсмотрел незаметно за каноником, как он сам крестится. Стараясь повторять за ним движения, повторяя молитву в такт словам, запоминая на будущее такое упражнение.

Про крещение при молитвах.

Православные христиане крестятся так: сложенные три пальца прикладывают к челу, чтобы мысли были чисты и светлы.

Затем на область солнечного сплетения, чуть выше середины живота, чтобы душа была чиста. Затем на правое плечо, а только после – на левое, отгоняя от себя плохие мысли.

То есть, православные крестятся справа налево.

А католические христиане – слева направо, всей ладонью или двумя пальцами. Об этом будет чуть позже. Вот такая разница, оказывается!

Уф. Вроде пронесло. Месса закончилась, каноник произнес последнее слово, закрыл Библию, осенив себя крестным знаменем оканчивая молитву. Отходя в сторонку, он проговорил: – *Listo. Se puede empezar.* (Готово. Можно приступать).

Приступать, так приступать – куда деваться.

Конечно, не хотелось начинать свой путь с ранений, тем паче с убийства – но раз так. Я нагнулся за перевязью, вытаскивая из неё оружие.

Отбросив опустевшую перевязь на обочину, неумело взял клинки в руки: дагу в правую, рапиру – в левую руку.

Испанцы кабальеро дружно загоготали в голос: ну а что?

Ведь я новичок в этом деле фехтования, да и так сподручней по ножевой школе. Испанец стоял напротив с обнаженными клинками, в готовой позиции на дальней дистанции. Он нехотя салютнул шпагой, сразу бросаясь в атаку:

– *Prepárate a morir, torpe culo!* (Готовься к смерти, тупой осел!)

Мгновенно сблизившись, испанец нанес выпад шпагой – *ataque de la espada.*

Прикрываясь левой рукой, грозя дагой.

Лезвие шпаги молнией проскользнуло над левым плечом.

Успев среагировать, вовремя отвернул плечо назад от пронзающего укола! Испанец, отпрыгнув назад, со злостью стукнул сталью клинков, скрещивая их пополам:

– *mierda!*

Закрутив клинки, сверкающим веером и блистающими на солнце полосками стали: испанец вновь бросился в атаку, скользя ловкими, отработанными движениями ног, словно мутант из Зоны – «излом».

Только каким-то чудом успевал уворачиваться, запоздало ускользая от уколов шпаги, бестолково отмахиваясь непривычным оружием.

Тупо надеясь на выработанную реакцию, да на новое тело, что оно не подведет в нужный момент.

Вновь кончик шпаги просвистел над головой, когда попытался уклониться от обманного выпада даги.

Понятно. Так долго не протянуть: слишком попался противник умудренный и опытный.

Мы дрались прямо посередине песчаной, утоптанной дороги сотнями тысяч шагов, сделанными подковами и сапогами.

Дороги – ведущей то ли в ад, то ли в рай.

Непрерывно двигаясь по незримому кругу, как злобные звери—мутанты Зоны, мы осыпали друг друга градом проклятий, уколов клинков и выпадов, танцуя невидимый танец со смертью.

Я начал уставать: или от голода, или с непривычки овладения бесполезными для меня клинками.

Тут все боевые навыки оказались бесполезны, и надо срочно придумывать какойнибудь выход.

Вспомнилось, как учил буддистский монах: «Главное состояние человека – это улыбка, внутренняя улыбка».

Да, но тут не улыбок, где улыбаться приходится.

Всё. Хватит. Пора заканчивать с этим цирком!

И начинать свое, личное представление!

Отпрыгнув в очередной раз назад, неловким взмахом руки выронил рапиру, которая вылетела из ладони на обочину.

Показывая всем, что не намеренно.

Испанец на миг расслабился, весело загоготав, потеряв бдительность.

То – что надо доказать!

Мгновенно перебрасывая прямой хват даги, на обратный хват.

Прыжок на месте, переходя к комбинации движений!

Так называемое, твист-сальто: «исполнитель» делает прыжок, поворот на девяносто градусов и переход в сальто вперед.

Набирая требуемое количество энергии для исполнения намеченной комбинации движений.

Послушное тело, принялось исполнять натренированные навыки акробатики, сохраненные в моём разуме, переворачиваясь в воздухе.

Вытянул руки вперед, тут же мах, движением за спину, одновременно мах ноги назад!

Крутнувшись в воздухе с прогибом спины, делаю сальто «вебстер».

Сальто вперед «вебстер» делается махом ноги назад через себя.

Мах руками делается «козлом». Сальто делается в группировке или без нее.

С прогибом спины – гимнастический вариант.

Обрушив сверху ноги по инерции кругового движения, выбиваю дагу из руки испанца, вихрем сминая защиту, как тяжелым катком надвинувшись на бумажный кораблик!

И ноги уже на земле, вместе с вылетевшим клинком испанца.

Дага запоздало зазвенела сталью, ударяясь об землю дороги—ринга, гонгом проигранного раунда.

Короткое движение торсом, добавляя рукой вверх, и клинок режущей кромкой прилип к горлу назойливого дуэлянта. Готово!

Ошеломленный испанец застыл на месте, не понимая, как всё случилось.

Растерянно отведя руку со шпагой в сторону.

Я тоже не знал, что полагается в таких случаях, и делать дальше.

Как говорил – не хотел его убивать.

Так что мы стояли оба, застыв на месте, выжидая некоторое время.

Я – с дагой у шеи испанца, испанец же молча ждал смертельного реза клинка!

Тут снова пришел на помощь студент—каноник. Он хлопнув в ладоши, воскликнул от радости, что все остались живы и соблюдены все правила:

– El juicio de dios se ha cumplido! El duelo ha terminado! (Божий суд свершился! Дуэль окончена!)

Наконец до меня дошло, что всё закончено.

С трудом отходя от смертельной схватки – осторожно убрал дагу от шеи испанца. Остальные трое кабальеро по очереди подходили, дружески похлопывая по плечу, как равного себе, поздравляя с удачным финалом схватки. Дравшийся со мной испанец, подобрав кинжал с земли, со злостью воткнул в ножны клинки, как бы показывая всем видом, что конец поединка нечестный. Но дело было сделано, или как у нас говорят: «После драки кулаками не машут».

Испанец всё же умел держать удар: одернув шляпу, он подошел, сдернул дуэльную рукавицу, обшитую железными бляхами, протянул руку и с ненавистью выговорил слова:

– Монсеньор, позвольте представиться: на службе короля, дон Девэло Аррондо де Фидель. С кем имел честь драться?

Да, вопросик – и кто я тогда здесь?

Стремясь выпутаться из неловкой ситуации, начал осторожно выкладывать как есть.

Почти как есть:

– Дон Девэло, я тут головой немного приложился о крепкий кулак.

Вот всю память и отшибло.

Сеньоры захохотали в голос.

– Что ж, бывает, бывает такое, особенно если вина переберешь!

Я согласно закивал головой: да мол, так было.

Тут вспомнил о неких свитках, лежащих в моем мешке:

– Позвольте, сеньоры.

Подобрав рапиру с земли, вложил её в ножны перевязи вместе с дагой.

Нагнувшись за мешком и надев шляпу, достал из него рулончик свитков и протянул его канонику, обращаясь:

– Прошу вас, мессир, может, находящиеся здесь бумаги прольют свет на мою личность?

Каноник с важностью взял бумаги, отдавая назад библию, по очереди разворачивал их, внимательно изучая первый свиток.

И начал читать вслух:

«Податель сего удостоверяется в том, что он – пехотный капитан третьей терции королевской испанской армии, находящийся в отпуске сеньор Риккардо де Рада. Удостоверено моей печатью и подписью.

Генерал королевской армии, граф Франциско де Мело».

Каноник с удивлением поднял брови, говоря всем:

– Да вы, оказывается, военный, да ещё в чине капитана!

Передавая свиток другим сеньорам для ознакомления, прочитывая следующий потертый пергамент:

«Булла. Подателем сей буллы удостоверяется, что носители фамилии де Рада являются идалго, принятыми навечно в дворянское сословие, которое владеет поместьем Радо де Аро, дарованным в безграничное пользование за особые заслуги перед Испанией и королем. Заверяется моей личной печатью и подписью. Король Филипп I, он же император Карл V, подписано временем 1520 года, agosto».

– Las osc! – воскликнул с уважением юноша—каноник. – Да вы герой, монсеньор, почти дон!

Он с осторожностью передавал свиток другим кабальеро, которые принялись восхищенно цокать языками, показывая свое удивление.

Понятно, с этим разобрались – я какой-то там идалго, Риккардо де Рада.

Всё же поинтересовался у каноника:

– А какой ныне год идет в благой Испании?

– Сейчас стоит 1643 год, считая от рождества Христова, – ответил каноник. Потом он перекрестился, глядя в синие, бездонные небеса.

– Abril, десятого числа.

Важно ступая по земле, подошел один из сеньоров.

Богато обряженный, с вычурными эмблемами на черном плаще, с белой кружевной манишкой под горлом. Он протянул свитки возвращая на место, с пафосом представляясь, слегка приподняв красивую шляпу над головой:

– Маркиз на службе короля Филиппа IV – Антонио де Кабесон.

Ясно, маркиз, значит. Получается, по этикету нужно выразить свое уважение, хотя бы поклониться, перед ним. Все это мгновенно пронеслось в голове. Сняв шляпу, слегка изобразил поклон, склоняясь перед маркизом, представляясь:

– Идальго, капитан Риккардо де Рада. К вашим услугам.

Подошел следующий испанец, одетый не так уж богато, он протянул руку, снимая шляпу:

– Идальго, сеньор Андрес Гонзалес де Барсия, состою на службе нашего короля.

Понятно, тоже идальго. Значит, ему можно просто пожать руку или похлопать по плечу, что и сделал.

Сеньор Андрес рукой показал на другого испанца, стоящего поодаль от всех.

– А это мой слуга оруженосец, сеньор Фернандо.

Фернандо подобострастно склонился в низком поклоне, изображая преклонение передо мной. А что?

Мне нравится: всё понятно, кто есть кто в данном табеле о рангах.

– С остальными сеньорами вы имели честь познакомиться: дон де Девэло и наш святой каноник де Гарсия, – идальго продолжал знакомить, ведя непринужденную беседу после дуэли.

Далее Андрес спросил:

– Мы все направляемся в Толедо по особому поручению графа—герцога Гаспара де Гусман Оливареса. Ну а вы, монсеньор, куда путь держите?

Я призадумался. Судя по последней информации, нужно пообвыкнуться к новой обстановке, наметить план действий и многое другое: то есть поесть, попить, набраться сил.

– После военных действий я направляюсь в свое поместье для небольшого отдыха, – ответил уверенно, придумывая на ходу легенду, – но в пути я нарвался на нечестных сеньоров, которые увели мою лошадь и оставили без гроша в кармане.

– О, монсеньор, сочувствую вам, и прошу вас, присоединяйтесь к нам.

Ваше поместье почти по дороге нашей. Кроме того, впереди нас находится большая жилая деревня с конным двором, где можно приобрести лошадь и перекусить в местной таверне, – предложил Андрес, желая выручить в жизненной трудности.

– С удовольствием приму ваше искреннее предложение и присоединюсь к вашему отряду, – смущенно от внимания ответил, укладывая бережно свитки в походный мешок.

Андрес коротко крикнул слуге Фернандо, чтобы он пригнал свою лошадь для меня. Слуга засуетился, подзывая лошадь, беря её за уздечку, подводя ближе. Вот блин, опять испытание! Откуда в XXI веке лошади?

Сроду ведь на них не ездил. Видел, конечно, как делается, да и в далёком детстве на деревне у деда катался на коне, сидя позади взрослого ездока.

Я нехотя подошел к лошади, заходя сбоку: лошадь стояла ровно передо мной, изредка пофыркивая, мотая мордой. Слава богу, лошадь попалась на редкость смиренная, не с норовом. Тут неожиданно вспомнились гимнастические упражнения на «коне».

Как там начинать действовать?

Хватаемся за одно кольцо, потом за другое – и всё просто.

Схватившись за «кольцо» в конструкции седла, ногой вставая на стремя, неловко перебросил тело на седло.

Инстинктивно руками хватаясь за поводья дёрнувшейся подо мной лошади.

– Ранение боевое, монсеньоры, – оправдываясь сказал испанцам, которые внимательно, настороженно следили за мной.

Слуга мигом засуетился, занимаясь походным делом: приторачивая мешок к седлу, и подавая перевязь, предусмотрительно перекинув её через голову, повесив на плечо.

Я тоже перекинул перевязь через плечо, так намного будет удобней при скачке. Потом Фернандо подводил коней другим сеньорам, рассаживая их всех по сёдлам. Когда все сидели верхом на конях, а сам слуга уселся позади своего хозяина, маркиз коротко гаркнул:

– En el camino! (В путь!)

И пятерка всадников, но уже шестерка вместе со мной, не мешкая ни секунды, понеслась вскачь, пришпоривая коней, навстречу солнцу.

Идальго – в средневековой Испании: человек, происходящий из благородной семьи и получающий особый статус по наследству, передававшийся по мужской линии.

С XV века название статуса «идальго» фактически стало заменой названию титула «кабальеро». В Португалии титул имел название «фидалгу».

Спустя несколько часов, проскакав около десяти лье, мы достигли окраин большой деревни. Можно сказать небольшого городка, с его многочисленными жителями, которые встречались нам на пути.

Лье – испанская мера длины. 1 лье равен 5570 метрам.

Нам попадались крестьяне «el campesino», идущие вдоль дороги; приветственно кланяющиеся нам.

Малые дети, без конца бегающие по проулочкам между деревянных домишек.

Мы проезжали мимо смуглых, длинноволосых девушек, которые полоскали белье на берегу местного пруда, призывно плескаясь прозрачной водой.

Мимо черноволосых женщин с повязанными платками на голове, занимающихся хлопотами по хозяйству в уютных двориках, окутанных зеленью виноградника.

Мимо домашней живности, водившейся в огромном количестве, оглашающей животными звуками и шумом все окрестности деревни.

Прямо в сказку из детства снова попал!

Да ещё верховая езда оказалась делом нехитрым.

Проще, чем управлять автомашиной или БМД: знай себе пришпоривай, да поводьями дергай, придерживая осанку в такт скачки.

За неимением шпор просто слегка пяткой железного стремя ударял в бока лошади, требуя наддать «газа», или хлеща ладонью по крупу, чтобы нагнать других всадников моей новой команды.

Показалась та самая местная таверна, стоящая в немного сторонке от дорожного тракта. Строение, походило на большущий, бревенчатый барак. Мы поочередно подъехали к таверне, спрыгивая с усталых коней.

Я спешил с лошади, уверенней освоившись с конной ездой, исполняя «соскок с коня», с благодарностью отдавая поводья слуге Фернандо для привязи к специальной ограде.

Перед будущим обедом, мы сполоснули руки от грязи пыли в большой бочке, стоявшей подле входа.

Следуя этикету, сначала в таверну вошел маркиз, потом дон, следом мы с идальго и каноником. Слуга же держал «дверь» в таверну открытой, заходя после всех нас.

Дверь в таверне заменял широкий холщовый полог, просто откидывающийся в сторону. Ну а что вы хотели? Это XVII век! Была еда, да питье на столе, в тарелках да кувшинах.

Итак, мы кое-как запихнулись в пустую таверну, или ввалились шумную гурьбою, сразу сдвигая два грубых столика в один большой стол.

Сняли и повесили шляпы и оружейные перевязи на вешалки, придвигая стулья поближе к столу, и почтенно расселись за ним.

Маркиз хлопнул в ладоши, подзывая хозяина таверны, и сделал заказ: «Десять кварт красного вина «пало кортадо», для начала на закуску – жаркое «касуэла», чесночный соус «алиоли», копченые колбасы «фуэт», ну и холодный овощной суп «гаспачо», мясную ветчину «хабуго».

А он знал толк в еде, у меня слюнки потекли от всех названий блюд.

Гурман маркиз же выудил из кошелька один золотой эскудо, кинув его на стол, расплачиваясь за всё:

– Давай тащи стряпню на стол, не стой бревном!

Хозяин тотчас исчез, скрывшись за шторой импровизированной кухни. Следом за ним вышли женщины из прислуги, неся кувшины и глиняные кубки.

– А что за деревня? – спросил, интересуясь у señоров, пока суть да дело, расставлялись тарелки, наливалось вино в кубки, приносилась еда.

– Поместья дон Алькасар де Сан Хуан, по его имени так и называется это место, – важно ответил маркиз, просвещая меня.

Когда стало всё готово (вино налито, закуска принесена), маркиз, слегка привстав, произнёс тост:

– За здоровье нашего короля – Филиппа IV!

Все дружно поддержали его, том числе и я, заорав во весь голос.

– За Короля!

Изрядно пригубив крепкого красного вина из кубка, все навалились на закуску, уничтожая её за милую душу. Утолив первый голод, señоры начали вести разные беседы. Дон между делом спросил, обращаясь:

– Монсеньор Риккардо, и как там идет военная кампания во Фландрии? Как взятие городов и бастионов?

Похоже, дон де Девэло, не забыв обиду от поражения, решил подловить на несоответствиях: он так и смотрел с нескрываемой злостью, не сводя глаз.

Чувствуя некое напряжение витавшее в воздухе, а также пристальное внимание остальных señоров, ответил уклончиво:

– Кампания во Фландрии идет потихоньку, с переменным успехом, но командующий войсками Франциско де Мело знает свое дело. Увы, señоры, больше я вам ничего поведать не могу, секреты—с.

Сеñоры понимающе закивали головами, плавно переходя к другим разговорам: о лошадях, о женщинах, о вине, также обсуждая последние новости, интриги королевского двора в Мадриде.

Желудки наполнялись, блюда пустели, царивший в голове сумбур от перемещения улетучивался восвосяи, и превратности жизни мало-помалу начинали казаться пустяками, не заслуживающими внимания.

Минута в таверне, оказывается, вполне стоит года воздержания и наоборот, а баловать чрево есть признак благодушия... иногда.

Я приналег на вино, наслаждаясь вкусом и прохладой, отдавая дань кружке с вином. Огонь, не вино!

Оно негустым мёдом растекалось по желудку, расслабляя тело, ударяя в голову.

Конечно, такое божественное вино, не шло ни в какое сравнение с нашими «винами», которых бодяжат, добавляют всякую химию, изготавливая из ядовитых консервантов.

Дорвавшись до хорошего вина, а главное – дармового, без остановки подливал в кубок, тут же осушая до дна.

Обычный перекусон обещал превратиться в хорошую пьянку.

Доблестные сеньоры принялись хвастать своими подвигами, я тоже решил не отставать от них, намереваясь продемонстрировать пару нехитрых трюков.

Пошатываясь слегка на ногах, встал из-за стола, подошел к вешалке, доставая дагу с висевшей перевязи. Потом обратился к сидящим за столами сеньорам:

– Все смотрите, вон мишень висит.

На противоположной стороне зала таверны висела разделочная доска, её и выбрал в качестве цели. Коротко размахнувшись, метнул клинок в доску.

Увы, попасть то я попал, но он не вонзился, как надо.

Фернандо вскочил, быстро сбегал и подал его. Только с третьей попытки клинок впился в доску, крепко пришипивая её к стене. Сеньоры восторженно зацокали, выражая похвалу.

Раззадорившись, попросил слугу принести дагу назад.

Когда клинок был в руке, положив ладонь на стол, принялся втыкать клинок между раздвинутых пальцев ладони – переборами, убыстряя ритм в темп музыки.

На всю таверну уже играла музыка, в исполнении местного музыканта барда, откуда-то появившегося, исполняющего горячие мотивы фламенко на гитаре. Все дружно захлопали, восхищаясь моим искусством.

«Ну как дети малые, ей-богу», – подумал спьяну.

Уже в конец обнаглев, без всякого этикета обратился к щедрому маркизу:

– А тут подают шампанское?

Маркиз громко проревел хозяину таверны:

– Слышь, бездельник, «каву» всем. Двадцать кварт!

Кава – сорт испанского красного игристого вина, похожего на сорт шампанского. Кварта – мера объема жидкостей, равна половине литра.

Хозяин сам вынес вина с кухни, ловко неся на подносе несколько запечатанных бутылок для затравки. Вся компания дружно и одобрительно загудела, восхваляя щедрость маркиза.

Привстав снова из-за стола, беря бутылку в одну руку, клинок – в другую, я поднял бутылку вверх, горлышком немного вниз, и по–гусарски отсёк его, подставляя рот.

Вино хлынуло красным шипящим потоком, словно кровь из раны!

Оно вливалось бурным ручьём в раскрытое горло, заодно обливая меня и все вокруг светло–розовым цветом.

Кабальеро вновь захлопали, поражаясь пьяной удали.

Игристое вино сильнее, чем обычное вино, ударило по мозгам, стирая окончательно все барьеры.

Отведав вина из горлышка, пустился в пляс, изображая, типа «яблочка» под аплодисменты уважаемых донов.

В награду сеньоры вновь наполнили кубки, провозгласив тост за что-то там великое. Пришлось выпить, дабы не вызывать подозрения, не быть вызванным на очередную дуэль.

Дальше пьянка продолжалась по накатанной колее до самого вечера.

Под конец веселья чуть ли не лез к сеньорам обниматься, серьезно воспринимая их своими дружбанами, пьяно бормоча и запинаясь в словах:

– Ты меня уважаешь, кабал, кабак, кабальеро? А ты знаешь, кто я такой?

Я – сталкер Джоник, меня все уважают...

Да нет, меня толком никто и не слушал, все наперебой рассказывали друг другу свои истории, даже слуга Фернандо по–свойски влезал в разговоры сеньоров.

Лишь дон сидел за столом какой-то смурной, и не встревал в пьяный базар дружной компании; да молодой и скромный мессир—каноник, поодаль от него, изредка пригубливая кубок.

Смутно помню ещё, как лез к дону с извинениями и заверениями в вечной дружбе.

...Я очнулся на следующее утро.

Дернувшись телом, обнаружил, что весь опутан веревками, наподобие колбасной ветчины. Вот дьявол – что за пустоголовые шутки.

Что за розыгрыш дурацкий!

Голова, как обычно, болела после хорошей гулянки, но это пустяки по сравнению с путами, доставляющими отчаянную боль в затекших руках и ногах. Извернувшись, как змея, перевернулся на спину, подползая и опираясь спиной о стену.

Снова лежу на соломенном полу в каком-то сарае, судя по запахам.

За что мне такое везение, на вонючие сараи?!

Открыв дверцу сарая, внутрь резко ворвался дон с утренним приветствием:

– Здорово, грязная собака! Очухался, значит. Я вижу насквозь: что ты не идалго, не военный, не добрый католик. Ты еретик, или – французский шпион. Поедешь с нами в Толедо, там с тобой разберется городской орден святой Инквизиции. Там быстро развяжут язычок на «кресле» или в «костюме». Запоешь, не переставая, как утренний петушок.

Вот это оскорбление! За такое у нас тоже вызывают на дуэль—разборку.

– La basura, hijo de puta! – сплюнул плевком слюну князю в рожу!

Дон зло ухмыльнулся, достал платок, вытер плевков с лица, сам сплюнул в него. Подскочил и всунул мне платок в рот, наподобие кляпа, выскакивая вон из сарая.

«Вот тварь! – выругался про себя. – Ты дон Дебило, я тебя достану, рано или поздно. А где же маркиз? Он то, что подделывает там?»

Вспомнилось некстати и не к месту.

Парень был по имени Наркис.

А мы его называли «маркиз», специально или подразнить.

Он злился иногда на такое. Дрался, бывало, до крови.

А мы все равно звали маркиз да маркиз.

Теперь понимаю, как ему было херово по жизни, если он не маркиз не по имени, и не по званию родословной.

Было бы ему не так обидно, если бы он был из дворянского рода, но он был из семьи потомственных рабочих или крестьян, как было принято при советской власти.

Конечно, он бухал по чёрному от такого странного имени, ведь с каждым не станешь драться, вколачивая смысл имени кулаками.

Некоторые читатели скажут – так ведь инквизиция закончилась к концу XVI века. Да, и будут правы. Но ввиду замысла продлил срок инквизиции на полвека. Такая правка Истории.

Кстати, инквизиция с её аутодафе, пытками и кострами закончилась, но вплоть до XVIII века она оставалась, переорганизовавшись в местные органы судопроизводства. Говоря по-нашему – в органы прокуратуры.

Вскоре в сарае появился Андрес вместе со слугой Фернандо, осторожно войдя внутрь. Андрес смущённо обратился:

– Прости, Риккардо, но всё это затея дона и маркиза. Я с мессиром каноником были против, но таковы правила. Подозреваемого в шпионаже или в еретичестве, все достойные сеньоры обязаны доставлять в городские ордены инквизиции, как вы знаете.

Я замычал сквозь кляп, замотав головой, показывая мимикой, что хочу говорить с ними. Андрес знаком показал слуге освободить мой рот; Фернандо расторопно подскочил, выдергивая скомканный платок князя.

Отплевываясь, с убеждением заговорил, подбирая слова:

– Монсеньоры, даю слово дворянина, моё слово чести, что я не сбегу от вас, будучи развязанным. Да вы сами видели мои бумаги!

Андрес, потупив глаза, махнул рукой, приказывая Фернандо освободить меня от пут, заодно отдав наказ сторожить.

Хлопнув дверкой сарая, идальго вышел во двор.

Слуга ловко разрезал навахой связывавшие веревки, потом уселся возле дверцы, сторожа меня, как верный пес хозяина.

Я с наслаждением растер затёкшие от впившихся веревок руки и туловище. За сараем послышалось ругань ожесточенного спора, лязг выхватываемых шпаг. Как понял, весь сыр-бор был из меня.

Идальго Андрес с жаром приводил доводы за освобождения от веревок:

– Монсеньоры! Идальго нельзя связывать и обречь на посмешище простолюдинов. Кроме того, сеньор Риккардо дал слово чести, что не станет противиться нам!

Но дон, упрямо ругаясь, возражал ему, повторяя, что я не достоин слова чести, желая больше унижить, и причинить боль от поездки, чтобы я висел как мясной окорок, поперек седла всю дорогу.

Наконец, маркиз, устав выслушивать брань, решил поставить точку в споре, громогласно гаркнув на все округи:

– Все замолкли! Идальго поедет в Толедо свободным от веревок.

Я так сказал!

Бедная дверь сарая вновь распахнулась, чуть не вылетев с места и сбив слугу на землю, выпуская злобного дона:

– Выходи, шарлатан!

Я поднялся на ноги, и проходя мимо толкнул его плечом, прошептав на ухо:

– Мы ещё встретимся наедине, даю слово чести.

Дон прошипел вслед одно из своих проклятий в мою сторону.

Сарай, где я ночевал, находился во дворе таверны.

И на дворе все сеньоры находились в сборе, кроме каноника: наверное, он остался здесь по своим делам или поехал в другую сторону.

Маркиз подозвал к себе.

– Риккардо, ты всё слышал, и всё понимаешь. Поедешь с нами в Толедо без своего оружия. Пристегнутым пристяжью к лошади Фернандо, на всякий случай.

Я пожал плечами, соглашаясь с ним, с почтением говоря:

– Ваша светлость маркиз, спасибо и на этом.

Небольшая растянувшаяся кавалькада всадников, снова упрямо скакала по бесконечной дороге, преодолевая расстояние Мира.

Мне выдали привычную лошадь слуги, сам Фернандо скакал позади, на новой лошади, пристегнутой пристяжью к моей лошади.

К концу дня, когда солнце клонилось к закату, вдали показались высокие, каменные стены Толедо с остроконечными крышами замков, храмов и оборонительных сторожевых башен.

Подъехав поближе к окрестностям, увидел широкую реку, величаво протекавшую перед крепостными стенами, которая безгранично опоясывала город. По реке, то и дело сновали весельные лодки, или небольшие парусные кораблики, похожие на яхты. По берегам группки рыбаков занимались ловом рыбы с помощью снастей и веревочных сетей.

Поблескивала в лучах садившегося солнца серебристая чешуя пойманных тушек рыб. Вечерним дымком курились огоньки далёких кострищ.

Прямо перед нами распростирался каменный мост через реку, шириной примерно в две кареты. Мост был построен в специально выбранном узком месте русла реки и опирался на толстые каменные сваи.

Не торопясь, мы проехали мост, приближаясь к открытым воротам въезда в город. За ними разгуливали несколько испанцев, наряженные в бархатные черные одежды: шелковые плащи с нашитыми сверху блестящими бляшками и нашивками, на головах – черные шляпы.

Под плащами надеты плечевые кожаные перевязи для клинка.

Красивая униформа у них. Только в жару на солнце не очень приятно париться в ней. Маркиз скомандовал, грубо обращаясь к одному из них:

– Эй, служивый гвардеец, позови вашего лейтенанта. Да мигом, шевелись!

Гвардеец исчез, побежав к сторожевой башне, размахивая лапами черного плаща. Маркиз спешил с коня; вслед за ним спрыгнули с лошадей все остальные, ожидая дальнейших распоряжений.

Начальник караула оказался упитанным средних лет испанцем, который довольно быстро вернулся с посыльным гвардейцем.

Маркиз подозвал к себе, отходя с ним в сторону, объясняя ему ситуацию.

Дон, после начала разговора подошел к ним сам, явно нашептывая на меня что-то плохое. Начальник стражи гвардейцев понимающе кивал головой, поддакивая маркизу. В конце короткой беседы маркиз знаком подозвал Фернандо и тот послушно подбежал, слушая приказание.

Потом слуга метнулся мухой к своей лошади, отвязал мой мешок от вьючных сумок и прибёг снова к группе сеньоров. Фернандо передал начальнику караула мешок, набитый моим небогатым скарбом. Андрес подошел, протягивая руку на прощание, крепко пожал её:

– Будь здоров, держись Риккардо, мой амиго. Может ещё свидимся!

В ответ, пожимая достойному идальго руку, подумал: «А что остается делать – только держаться, как можно дольше».

Немного поодаль стояли, готовые к нашей пешей прогулке в тюрьму, трое гвардейцев. Не желая больше тянуть время, махнул рукой гвардейцам, говоря им, что готов к непринужденной прогулке.

Гвардейцы окружили спереди и с боков, затем повели под конвоем по тесным улочкам города. На прощание обернулся и посмотрел на дону, желая запомнить его навеки.

Солнце зашло, окончательно стемнело, очертания окружающей действительности сливались в одно неразличимое черное пятно, когда привели к нужному месту.

Тюрьмой оказалось массивное каменное здание в пару этажей, подавляющее своей принадлежностью к государственной власти.

Открыв тяжелые двери, завели внутрь, на первый этаж, передавая на руки конвою тюремной стражи. Стражники тюрьмы принялись грубо обыскивать, шаря по одежде руками.

Внутри тюрьма оказалась громадным тёмным помещением с одним продольным коридором на всю длину.

По бокам, расположены камеры для узников, огороженные коваными железными решетками и дверями, ведущими в них.

По всему коридору горели факельные светильники, установленные у каменных стен, разделявшие камеры.

Факелы разгоняли по углам тьму, и придавали всем помещениям мрачный вид царившей обреченности. Один стражник из казематного конвоя повел по коридору, жестко толкая в спину.

Тут и там, по всей длине тюремного прохода, важно фланировали стражники, неся собачью службу, изредка утихомиривая буйных заключенных. Между несгибаемых решеток камер виднелись протиснутые сквозь неё лица узников, искаженные от невыносимых страданий: кто-то слал проклятия всем подряд, кто-то молил о помощи и пощаде.

Проведя в самый конец коридора, стражник стал открывать дверь в одну из боковых камер, гремя ключами и засовами.

Напоследок пнув с силой в зад, стражник с явным удовольствием впихнул в приоткрытую дверь темницы в человеческий ад, наполненный отбросами городского дна. Оттуда отчаянно несло острыми запахами мочи и нечистот, прямо в общей камере испражнявшимися невольниками.

Вертухай, ехидно ухмыляясь, закрыл за мной дверь на замки, дополнительно задвигая с пронзающим лязгом тяжелую решетку каземата.

Вольному воля или неволя

Вертухай с силой пнул меня так, что я почти влетел в общую камеру, едва устояв на ногах. Тут, не давая опомниться, подскочил один малый, постоянно кривляясь и изгибаясь, как гороховый шут, приставая с вопросом:

– Tú mariposa? (Ты гомосексуалист?)

Вот это заявочки! Местный «петушок». В ответ извернувшись, надал ему ногой под тощий зад, примерно так, как и стражник мне только что:

– Fue won, mierda! (Мат).

Повернувшись лицом к потерянной свободе, взялся руками за прутья решетки из кованого железа, дергая в стороны, проверяя их на прочность.

Вот тут и дошла вся тяжесть моего положения. И осознал всю сущность ничтожного бытия в испанском каземате.

«За что такое наказание?!» – заорал в себе, да и в голос тоже, на всю камеру! Я вспомнил, когда было примерно такое состояние.

...Это случилось на том заводе, где та самая Айгуля, да и «друг» тот самый. Я работал простым грузчиком на том уютном заводе.

Работа, откровенно говоря, «не бей лежачего». Грузчика, то есть.

В мои обязанности входило: привести необходимый материал, увести готовую продукцию из цеха на железной такой тележке на колесиках. Все.

Есть такая байка про грузчиков:

Как-то раз прислали на одно предприятие молодого юношу, контролера ОТК. Начальство ему поручило разбраковать партию деталей в коробках.

И этот молодой контролер приступил к работе; на коробках с хорошими деталями чертил букву «Х», на коробках с плохими деталями – рисовал букву «П». По окончании сортировки пришли, как заведено, нетрезвые грузчики для погрузки продукции. И догадайтесь сами, какие коробки куда пошли: в брак или в работу.

Начальство такое на заводе: с лояльным отношением к простым рабочим.

Но отношения сотрудников этого завода между собой желали оставлять лучшего, мягко говоря. Они были гнусными!

Доносы, интриги, клевета, докладные: ради того, чтобы выслужиться перед начальником, получить большую часть цеховой премии или просто так, потопить другого собрата по работе в грязи.

Помню, работал до армии на одном заводе в советское время, где я слесарил одно время. Там рабочий горой стоял за другого рабочего, прикрывая другого. Да что там говорить, все бригады в цеху поднимались, упираясь рогом, порой из-за мелкой несправедливости, творящейся на свете и в цеху.

А вот на этом предприятии работали женщины, их было больше, чем мужского персонала. Как я говорил, многие молоды возрастом, да и не умудренные жизненным опытом.

Руководство завода набрало, не знаю почему, целый цех рабочих инвалидов смешанного пола, которые занимались неответственной, простейшей работой: наклейками, обрезками, сортировкой деталей.

Так вот, среди них была одна, даже не знаю, как описать, женщина, или девушка с сознанием десятилетнего ребенка.

И я принялся её опекать, как шелудивого котенка, выброшенного на улицу нерадивыми хозяевами. Потихоньку воспитывая, научая правилам взрослой жизни.

Не знаю, как объяснить: просто как чувствовал родственную душу, словно обретшую себя в землях Зоны Отчуждения, и почему-то случайно попавшую сюда.

Она была, как ослабший котенок мутанта «химеры», выбравшийся на волю, в простую обычную жизнь.

Все работники завода её сторонились, как прокаженную заразой; напротив, я оказывал ей всяческую поддержку, вопреки всех норм поведения и правил обычного социума.

Когда на улице в «курилке», сделанной из больших стальных листов, собирался народ для перекура, обсуждая последние новости и сплетни завода, разговор непременно заходил о ней: что она сказала или сделала.

Я же гасил все сплетни, посылая всех лесом, коротко говоря.

Правда, с одной стороны, кому понравится из женщин, если вас спросят: с кем вы трахаетесь, как вы моетесь в душе или ванной, или ещё что-нибудь интимное.

Просто она была как необученное дитя, вылезшее с пеленок.

Как-то раз по окончании рабочей смены, переодевшись в чистую одежду и выходя из цеха, встретил её. Она с просьбой обратилась:

– Пожалуйста, удержи вахту, Евгений, мы не успеваем на автобус.

Там какая-то задержка вышла с ключами от раздевалки женской.

В ответ я сказал: «Ну конечно, нет проблем».

Вахтой были два автобуса: «пазик» и «нефаз», ходившие с периодичностью в два часа. Они доставляли свежее «мясо» и забирали с заводской остановки отработавших вахту на заводе назад, развозя по привычным домам.

Все люди, находящиеся на остановке, мигом погрузились в автобусы.

Я не торопясь подошел к автобусам, которые, надрывно чадя соляжкой, ожидали живой груз.

И там уже набился трудовой народ, заполняя автобусы уставшими телами.

Заводские люди обменивались шуточными ободряющими репликами, якобы подготавливая нас к светлой и безоблачной жизни впереди.

Как обычно, на том заводе установлены психогенераторы, вгоняющие «мясо» в состояние биороботов.

Только «впереди», когда же оно наконец настанет?!

Или уже не настанет никогда...

Демонстративно закурив сигарету, подошел к «морде» автобуса, показывая водиле автобуса, что я вот стою, курю пока.

Но незнакомый водитель, они менялись как всегда – просигналил: заведя погромче движок «нефаза».

Что же делать? Все сроки вышли ожидания.

«Ну, где же она?» – выругался про себя, молча запрыгивая на ступеньки автобуса, выбрасывая недокуренную сигарету, где ждала полная вахта усталых людей, и махнул рукой водиле, показывая ему: «Поехали».

Что тут сделаешь против сотни уставших людей.

А следующая вахта будет только через два часа.

Такая маленькая вечность для людей, кто стоит на остановке.

Автобус тронулся и бодро покатил по дороге, следом за ним и «пазик», изредка останавливаясь на вынужденных остановках, выгружая отработанное заводское «мясо». И я тоже вышел на нужной мне остановке.

Осматриваясь, заметил знакомую женскую фигурку, порывом ветра задрало немного в бок, светлую курточку.

Это была она... как и что... что это...

Телепортация – даже я не владел этим!

Входящих людей в автобусы возле завода контролировал, это исключено.

Когда потом я прямо спросил её: «Что это было?»

Она смущенно ответила: «Спасибо, Евгений, что задержал вахту».

Вот и все! Конечно, подозревал о её необычных свойствах.

И, конечно же, она предрекла мне от красного цвета смерть.

Не знаю, что с ней случилось дальше: я просто ушел в Зону Отчуждения. Оставив на прощание свод жизненных правил «мутанта», диктуя, а она записывала в желтом детском блокноте. А в моей душе остался шрам предательства, когда обещал и не сделал, что нужно...

Я схватился ещё раз за кованые решетки руками, желая их вырвать с корнем из каменных стен. Всё. Это не поможет.

Шаря по закоулкам сознания, вызвал из памяти буддистскую «магическую» мантру, вдолбленную в мою несчастную голову старым монахом.

Из той жизни. Точно желая испить глоток свежей воды в приступе сильнейшей жажды.

Мощная сакральная мантра соединения с Высшим Я, сверхразумом.

Она может привнести в жизнь человека трансцендентальную мудрость, избавление от внутренних заблуждений, помогая обрести ясность ума, найти свой истинный путь. Я вспомнил её.

В тот же миг, не подготовившись ментально, проговорил мантру сознанием, сразу стремясь попасть в «терминал» для получения жизненно полезной информации.

Тут Поток глобальной вселенской информации ударил в мозг, сжигая его изнутри, стирая синапсы и связки нейронов.

На меня обрушился огромный поток информации.

Если объяснять на пальцах, то представьте себе, что при нормальных условиях ваш мозг работает на определенной скорости: грубо говоря, десять килобайт в секунду.

В тот момент ощущение состояния, словно скорость мозга, а точнее, поступающих в него мыслеобразов, равнялась миллиардам терабайт в секунду.

Страх не было, не было ощущения того, что все это – галлюцинация.

Была полная уверенность в реальности происходящего и вспоминания своей истинной сути. Да, именно вспоминания чего-то истинного.

Я просто отключился, безвольно обвиснув на решетке, как подстреленный индийский тигр.

...«Я» мягко похлопал по щекам головы отключившегося Джоника:

«Эй, Джоник, очнись».

Но проводник не реагировал, наглухо застряв разумом, где-то там, в небытие.

«Джоник, Джоник, ТБ (технику безопасности) надо соблюдать иногда», – посетовал «Я».

Вы спросите: «Кто это я?»

«Я» – это Осознание, которое присуще всем людям, только «Я» – одно на все человечество.

Это выглядит, как бесконечное пространство, где есть все, и одновременно нет ничего. Проводник вызвал меня, обратившись к «Потокам», но его сознание не выдержало такой нагрузки.

Материализуясь в этом месте Мира, «Я» пытаюсь привести в чувства Джоника.

Вы ещё раз спросите: «Почему „Я“ пришел именно к нему?»

Отвечу так: «Джоник – человек-синхронизатор».

Синхронизаторы – это люди, многомерные личности, оставившие следы в разных ветках реальности истории Миров.

У человека есть физическое тело в пространстве, которое живет, питаясь тем, что дает Земной мир.

И есть тело во Времени, которое занимает не одну жизнь.

Когда некоторые люди в процессе погружения в Потоки уходят так далеко, что видят цепочку прошлых жизней, находясь сознанием снаружи прошлых жизней, они выходят за пределы Времени.

То есть, наше привычное линейное время видно со стороны.

Можно выбрать любую жизнь, войти в неё и рассмотреть.

Выходя за пределы Времени, люди понимают, что с позиции Вечности все жизни происходят одновременно, так как при взгляде с этой точки времени не существует.

С позиции Вечности видно сразу и начало и конец; то есть видно, как завершится цикл перерождений. Прошлое и будущее ничем не отличаются. Вам не о чем волноваться: там другие чувства возникают, когда есть присутствие космического разума, который смотрит на страдания людей несколько свысока. Это и есть Осознание.

Отличие Осознания от Сознания в том, что второе несет в себе чувства, оно может быть пронизано болью.

Осознание – основное начало,двигающее к развитию, оно кидает Сознание в бездну тяжелых ситуаций, где есть и боль и страдание.

Осознание смотрит на Сознание, вроде бы и любит, но какой-то холодной, отрешившейся космической любовью.

Осознание впитывает весь опыт проживаемых жизней: радости и печали, сферу чувств и эмоций. Для Сознания это тоже упражнение, для закалки и твердости.

Когда мы выходим за пределы Времени и Пространства, то видим, что на самом деле никуда не уходили.

Наша высшая часть, Высшее Я, всегда было и оставалось Здесь, а видимые нами жизни – это некие сны, в которые мы добровольно—принудительно погружаемся, чтобы пройти множество удивительных историй, которые растит общее Осознание.

Подхватив безвольное тело, в котором находился разум синхронизатора проводника, «Я» бережно отнес его на отдых в постель.

Заодно потревожив и согнав грязного человечка, спавшего снизу на двухъярусном месте.

Человечек, дрожа от страха и беззвучно разевая рот, убежал, забившись в угол камеры.

«До встречи, Джоник», – попрощавшись с проводником, «Я» исчез, снова превратившись в бесцветное Нечто.

...Я очнулся поздним утром. Скромный лучик солнца, прорвавшись в камеру сквозь решетчатые оконца, прошелся по лицу.

Общий гвалт голосов в общей камере разбудил окончательно.

Слегка приподнявшись набок, чутко прислушался к окружающему пространству и к себе внутреннему, оценивая обстановку.

Прикидываясь невинным видом, что всё случайно, вокруг меня сгучились несколько человек сокамерников, стоявших и сидевших.

Понятно, да всё не просто здесь такое, видно уже сторожат свою добычу.

Тюремные «волки» общей камеры обступили, надеясь полакомиться моим «свежим» телом.

Они подошли, видимо не пожелать доброго утра, как благочестивые сеньоры.

Оказывается, я лежал внизу на деревянных двухъярусных нарах, так называемых «шконках», покрытых грязным тряпьем.

Как на них очутился – я не помнил.

Другой ряд нар тянулся поперек камеры к окнам, отстоя от «моего» ряда нар на расстояние чуть больше метра.

Один из «волков», здоровый плечистый громала, сидел напротив на соседнем ряду шконок. Он нагло усмехаясь, грыз гнилыми зубами щепку—зубочистку, крутил её во рту. Понятно, местный «пахан» камеры.

Другие, здоровые ростом и весом, четверо «шестерок», стояли по двое с боков, одной рукой пряча что-то за спинами.

Скорее всего «заточки», или ножи навахи, пронесённые в камеру.

А у «пахана», также виднелся клинок, засунутый в голенище сапога, на приметном месте.

Я приподнялся, присаживаясь на шконку, между делом обращаясь к «добрым» людям:

– Доброе утро, добрые сеньоры!

«Душевные» кабальеры захохотали в голос, похлопывая руками по коленям.

Да я был прав: у двоих в руках находились навахи.

Сквозь гнусный смех, главарь проговорил:

– Chu'pate esa? Monseñor. (Предложение мне вступить в половую связь).

– Си, си, сеньоры, – глупо улыбаясь обступившим «добрым» людям, выдавил из себя.

Медленно встал со шконки, и поднял руки вверх, берясь ладонями за бортик верхней шконки, проверяя его на прочность.

Верхний ряд шконок на расстоянии двух метров от пола: то, что надо.

– Си, сеньоры, сейчас всё будет, – я словно подтягивался телом, держась за бортик верхней шконки.

И раздался новый взрыв смеха тюремных волков.

А что, я «шутить» умею. В клоуны, что ли, податься на старости лет?

Раз – подтягивание.

– А пусть повисит, может, задница помягче станет, – перекидывались шуточками «сеньоры», внимательно следя за моими телодвижениями.

Два – подтягивание.

Набирая энергию, заходя в боевое состояние, замедляя время.

– Нет, может, он незрелый ещё, сейчас пов...

Всё! Третье подтягивание. Последнее.

Мгновенно, рывком забросил ноги на толстую шею главаря, в движении скрещивая их для летального захвата! Есть.

Тут же кидаю тело руками на плечи рослого, ближайшего «шестерку», готовя кисти рук к смертельному захвату шеи! Есть.

Раздался почти одновременный двойной хруст, сворачиваемых шейных позвонков двоих «добрых» людей.

Скользнув рукой по ослабшему телу «шестерки», ухватил наваху из руки, отбрасывая труп от себя, на другого «волка», пытавшегося замахнуться навахой.

И тут же, используя для опоры свернутую шею главаря, швыряю свернутое пружиной тело между верхней и нижней шконкой, где сидит главарь, только уже отошедший в мир иной.

Всё. Кувырок боком, выпрямляя и ставя ноги на пол.

Оказываясь в проходе между вторым и третьим рядом нар, считая от «моего» ряда. Раздался звериный рев ругательств разъяренных шакалов, не ожидавших от меня сопротивления.

Принимать бой здесь сложновато: так как, если один заходит спереди, другие заходят с неудобных для меня боков, к тому же вооруженные.

Один крутил в руках штырь «заточку», другой достал длинный клинок, одолжив его у мертвого главаря. Поэтому двинулся по проходу между нар, к выходу из камеры, где было раздольное место.

Общая камера представляла собой просторное помещение на несколько десятков узников. Справа от входа в камеру располагались шесть рядов нар к окнам, где я очнулся утром: для обычных узников.

Также предназначенные для «пахана» камеры, и его приближенных шестерок.

Отдельных камер или барачков для предварительного заключения, как типа нашего ИВС или КПЗ, в испанской системе исполнение наказания, того времени просто не существовало. Все подсудные, обвиняемые и уже осужденные, отбывавшие сроки находились в одной тюрьме.

Сразу слева от входа в камеру располагалась, так называемая «параша», то есть сортир.

Моча самотеком отводилась по канализационному желобу; фекалии накапливались кучей возле стены, «петухами» поутру убиравшими это дерьмо скребками в бочку, которая выносилась наружу из тюрьмы.

Полноценной канализации в тюрьме не было.

За парашей следовало два ряда нар, предназначенных для низшей касты узников. Прямо из выхода камеры, между частями нар, пространство для ограниченных передвижений, и стояло пару грубых столов с деревянными скамьями. Питание в тюрьме никакое: только питьевая вода да кусок хлеба на душу узника. Вот и всё казенное питание.

В основном, все питались за свой счет: кто-то в счет жалованья, пенсии, из тюремной столовой. Кто-то кормился передачами с воли родственниками, кто-то заказывал еду с таверны за деньги, которую приносили прямо в камеру. Исторический факт.

Поэтому процент выживаемости в испанских тюрьмах в те времена был низкий: мало кто из заключенных дотягивал до конца срока.

Так что тюремный быт во все времена, тогда и сейчас, почти одинаков.

Как и общество, воровское сообщество тоже развивалось, привнеся некоторые новшества: свой сленг, чифирь, наколки—татухи.

Народ в камере, видя разборку, слетел с нар, рассеялся по углам, дабы не мешать нам, умерщвлять друг друга.

Я отпрыгнул ближе к решетке прохода тюрьмы, взглядом цепляя пространство камеры и ситуацию.

Первый, ближайший бандит, шипя сквозь зубы брань, кинулся, размахивая навахой.

Рывком, скользнув телом вперед и вниз, взмахнул ножом, полоснув лезвием неосторожно выставленную вперед ногу бандита, перерезая сухожилия возле колена. Шакал захромал в сторону, скрючившись, истекая кровью и подвывая, как подраненная гиена.

Да, нечестно. А как вы хотели?

Здесь царят волчьи законы. И законы эти, я слишком хорошо знал.

Остались двое, но, видя смерть и кровь подельников, они пребывали не столь агрессивными. Отошёл окончательно на середину камеры, и жестом подманил очередного бандита.

Этот был осторожен и опытен, чем тот, первый, с подрезанной ногой. Демонстрируя деревенские приёмчики, перебрасывая клинок из руки в руки, он поочередно менял хватки, желая взять на испуг.

Ухватив ритм движений, в ответ сделал обманный рывок рукой, раскрываясь, провоцируя на атаку.

Чем меньше схем поединка, тем быстрее работает мозг в бою.

Алгоритм ножевого боя – шаг или бег, другого не дано.

И, конечно, он клюнул, кидаясь и делая выпад сверху, целясь в раскрытую грудь. Ну что ж, поздравляю.

Уход корпусом вбок и вперед с шагом.

Сталь моего ножа прочертила полукруг вокруг шеи бандита.

Одновременно отбил локтем левой руки, его правую руку с ножом.

И отступил задней ногой вбок, стараясь не запачкаться струей крови, хлынувшей из горла противника.

Бандит зашатался и медленно осел на пол, исходя предсмертным хрипом из разрезанного горла.

Последний из шакалов, бросил заточку и поднял руки, бросаясь к спасительной решетке — двери камеры, вопя от страха и стуча по ней кулаками.

Осматриваясь по сторонам бойни, я захотел узнать, что там с порезанным бандитом, и пошёл в ту сторону куда он уполз.

Он лежал в кровавой луже возле нижней шконки, пытаясь залезть под неё, исходя последней кровью, трясясь в предсмертных судорогах.

Понятно, не жилец. Итог: четыре трупа за одно «доброе» утро.

И что будет дальше ждать меня.

Я подошел к столам, по пути выбросив нож в парашу, и присел на скамью, переводя дух от поединка. На столе стоял кувшин с кружкой, налил воду из кувшина, стараясь не плескаться по сторонам, унимая дрожь в руках.

На отчаянный шум, наконец, прибежали несколько стражников из тюремного конвоя.

Уцелевший бандит начал бессвязно что-то кричать вертухаям:

– Там трупы, облако в крови, свет сверху.

(Тот самый человечек, которого сдернуло Осознание со шконки.

Его мозги помутились, окончательно сходя с ума от количества трупов, лежащих в камере).

Стражники, открыв замки и засовы, ворвались в камеру с «шампурами», шпагами наголо, с возгласами:

– Что случилось, кто зачинщик драки?

Народ в камере, выйдя с углов камеры, немного осмелел и хором вторил, что они сами себя порезали, устроив между собой кровавую баню.

Стражник, который поглавнее из стражей, подошел, тяжело дыша винным перегаром, и громко задал вопрос:

– Слышь, дерьмовый сеньор, кто убил Диего «Ужасного»? Может, это ты сделал?

Спокойно, делая глоток воды, ответил:

– Estimado, я ничего не видел. Ничего не знаю. Никакого «Ужасного» тоже не знаю. Ты слышишь, что народ говорит? Они сами себя кончили.

Побагровев лицом от гнева, он с яростью хлестнул шпагой по столешнице, оставляя глубокую борозду на ней.

– Mierda! – стражник, посверля злыми глазками, повернулся к своим «баранам», то есть стражникам, распорядившись. – Убрать тут всё дерьмо.

Стражники засуетились, подгоняя невольников, чтобы они подтаскивали трупы к дверям камеры.

Сумасшедшего из камеры вывели вон, вместе с ещё одним узником.

Конечно, я понял, что это был заказ на меня, и даже знал, чьих рук дело.

Узник вскоре вернулся, катя за собой тележку: на неё погрузили один труп, и повезли из тюрьмы, везя его по длинному коридору.

И так повторяя три раза, потом видно складывали все трупы на большую телегу—труповозку.

Так всё закончилось в тот день, и потекла обычная тюремная жизнь.

В камере народ, меня больше не задевал, относясь с опаской и уважением.

Как понял, по Диего «Ужасному» никто не печалился.

Видно, многим он тут успел насолить с корешами.

Ну а я проводил дни в медитации и в упражнениях из практик.

Занимался гимнастикой «исцеляющий импульс», придерживаясь принципа: «действовать, не действуя». Изредка питаюсь хлебом с водой и подношениями от сокамерников. Когда только попал в камеру, входя в «поток», я вырубился, но часть нужной информации в мозг

влилась и осталась. Теперь я знал, что нужный нам человек находится здесь, в Толедо. Где-то рядом находилась Анна. Так что, всё не так плохо.

Прошло длительное время томительного ожидания неизвестности, в течение трех дней в тюремной камере, в медитациях и тренировках.

Пока внезапно в камеру не вошел стражник, выкрикивая чье-то имя:

– Риккардо, Риккардо де Рада на выход. Риккардо, твою мать, где ты?

На выход!

«Да ешкин кот, это меня вызывают», – с трудом сообразил.

Встряхнувшись, подошел к стражнику:

– Я Риккардо. Что случилось, кому я понадобился? – задал вопрос.

Стражник, ехидно усмехаясь, ответил:

– Выходи давай, там узнаешь. С тобой желают говорить чины из ордена святой инквизиции.

Я внутренне вздрогнул: значит, инквизиция по мне плачет.

Что ж, будем готовиться к худшему варианту развития событий.

Коротко кивнув всем сокамерникам прощаясь, осторожно вышел из камеры в тюремный коридор. Там поджидал наготове гвардейский конвой, так что мысли о побеге не осталось.

Выйдя из тюремных ворот душной и вонючей темницы, я с наслаждением вздохнул грудью свежий воздух свободы, наполняя себя волей.

На дворе стоял солнечный день, заставляя прищурить глаза, отвыкшие от яркого света. Подтолкнув грубо в спину, гвардеец из неразговорчивого конвоя, схватив за плечо, потащил вперед.

Меня повели по довольно тесным улицам города, где с трудом могли разъехаться две конные повозки, гремя колесами по мостовой.

Спустя час пешей прогулки, мы с конвоем гвардейцев очутились возле ворот в большое здание, угнетающее своими размерами.

Здание похоже на небольшую крепость, загороженную высоким, непроницаемым, каменным забором.

На самом верху смотровой башни развевался белый флаг с красным косым крестом.

Первые государственные флаги, появившиеся в Испании, относятся к XVI веку. Они появились после выхода замуж королевы Кастилии Хуаны I за эрцгерцога Австрии – Филиппа Красивого, который был родом из Бургундии. Именно тогда появился флаг с бургундским крестом.

Символом, общим для всех испанских флагов того времени.

Дизайн флага менялся при каждом короле, иногда радикально.

Так король Филипп II заменил белое полотнище старого флага, на желтый цвет. Но сам красный косой крест неизменно оставался на всех вариациях до начала XVIII века.

Главный гвардеец с конвоя с силой пнул сапогом несколько раз по деревянной двери, сделанной из толстого деревянного бруса и обитой полосами железа, вызывая обитателей крепости.

Смотровое окошко в двери забора приоткрылось, спрашивая негромко и глухо:

– Кто там, что за дело?

– Кто, что... Еретика доставили свежего, по приказу вашего приора. Принимайте, до вечера здесь нам стоять, что ли, – бодро отозвался наш главный конвойный. Дверь через некоторое время раскрылась, неприветливо приглашая войти внутрь зловещего каменного мешка.

Там стояло и ходило по делам около десятка людей, одетых в черные одежды, похожие на монашеские одеяния, немного скрывающие португепю с холодным оружием. Подведя ближе

к одной группе людей в черном, стоявших возле входа, мой гвардейский конвой передал меня с рук на руки конвою из боевого отряда ордена иезуитов.

Орден иезуитов представляет своеобразный спецназ католической церкви, помогающий в решении силовых задач ордену инквизиции и церкви. Одежда иезуитов похожа на наряды ученых или учителей XVI века. Иезуиты носили черный кафтан, плащ и большую шляпу с загнутыми с боков полями. Такая одежда, и авторитет, основанный на страхе, обусловили то, что генерала ордена иезуитов называли «черным папой».

Иезуиты мигом подскочили с боков. Мягко, но сильно подхватили под руки, заводя по грубому крыльцу из камня наверх в огромное здание.

Какой-то иезуит, видимо, старший, вдогонку конвою крикнул наказ:

– Сделайте ему небольшую экскурсию по подвалу. Для обретения ничтожности перед господом богом.

Услышав такое, конвой передумал и вместо того, чтобы идти наверх, повел вниз по внутренней винтовой лестнице.

В ноздри ударило привычными запахами пряной крови вперемешку с острым запахом железа и стали, смешанным с чувством человеческого страха и животного ужаса.

Спустившись вниз на один оборот винтовой лестницы, я с конвоем оказался у входа в помещение, освещаемое стационарными факелами.

Ведомый иезуитами, вошел в «предбанник» земного ада.

По бокам подвала, притыкались узкие камеры—клетки, в которых находились узники — люди с затравленными глазами, как у побитых собак. Посредине пыточного подвала находились орудия и приспособления для добывания признаний: дыбы, столы для пыток и для записей допроса, массивные сиденья поджаривания еретиков.

Сами мастера заплечных дел в кожаных нагрудниках, видимо, устроили небольшой «перекур», сидя возле большого стола, на котором находились предметы кухонной утвари, о чем-то негромко беседуя, глотая и прихлебывая что-то из кружек.

После небольшой «экскурсии» в подвале, конвой снова повел наверх, на третий этаж, знакомиться с главным иезуитом.

Меня завели в просторное помещение, наверное, предназначавшееся главному владельцу кабинета, изысканно отделанное натуральным деревом.

За большим полированным столом, уставленным бумагами и приборами для письма, сидел мужчина в черной одежде.

С длинными седоватыми волосами, обрамлявшие беспристрастное, с властными чертами лицо, привыкшее повелевать и приказывать всем остальным людям.

Я вошел и молча стоял, ожидая, что будет дальше.

Мужчина тоже тягостно молчал, делая вид, что внимательно изучает какие-то бумаги. Присмотревшись, я узнал свои расправленные свитки.

Гнетущее ожидание повисло в воздухе.

Наконец прелат встал из-за стола и подошел ко мне, шурша полами бархатной сутаны, знаком руки показывая опуститься на колени.

Я повиновался и опустился на колени.

Прелат склонился рядом, налагая на себя крестные знамения.

Помня тот урок каноника, тоже стал креститься, не прилагая особого рвения. Прелат заговорил, чеканя слова католической мессы, на старом латинском языке.

Проговорив короткий текст молитвы, прелат встал с колен, снова знаком показывая подняться, начиная беседу или допрос.

Вопросами, жесткими и точными:

– Можете обращаться ко мне – падре Амбросио, я приор ордена инквизиции. Надеюсь, вам не надо объяснять, куда вы попали, что с вами будет в случае проявления вашей вины перед

церковью и государством. Советую вам быть откровенным передо мной, как перед господом богом на исповеди. Приступим: кто вы? Вы на самом деле являетесь сеньором Риккардо де Рада?

Я молчал, обдумывая ситуацию: сейчас каждое моё слово на вес золота или жизни.

Врать не имело смысла, у падре наверняка есть какие-то зацепки против меня, вроде доносов и сведений обо мне.

Вот наглядный пример из нашей жизни.

В послевоенную пору у каждого начальника отдела кадров, предприятия или учреждения лежал в сейфе набор специальных брошюр с грифом «секретно». В них приводилась подчинённость подавляющего большинства воинских частей армии, авиации и флота в годы войны. А также их передвижения и участие в боях.

Этих брошюр больше двух десятков.

По такой брошюре можно за несколько минут, не поднимаясь со стула, проверить, в какую армию и в составе каких фронтов входили те или иные дивизии и полки, вплоть до отдельных батальонов и рот.

Поэтому автобиографии или сведения про людей для того и подавались отделу кадров. Чтобы по их содержанию можно было провести быструю проверку жизненного пути человека в военное время, а отнюдь не для того, чтобы девушка-машинистка во время обеденного перерыва могла почитать её от скуки.

Можно не сомневаться в том, что у приора имеются подобные вещи.

Спросив что-нибудь про военные действия, приор легко мог бы поймать меня на несоответствиях.

– Допустим, я расскажу правду, но ваша милость, всё равно не поверить.

Моя история невероятна для вашего времени, – сделал первый шаг.

– Рассказывайте, я слишком много повидал на своем веку, чтобы сейчас удивиться чему либо, – нетерпеливо махнул рукой падре.

– А с чего начать, падре Амбросио, – для порядка спросил, – с конца или начала?

– С начала, сеньор, – предложил падре.

Я и не спеша повествовал о своей жизни в наше современное время.

Падре внимательно слушал мой немаленький рассказ, где я объяснял ему, что у нас существуют телефоны, интернет, компьютеры, самолеты, танки, разные машины и механизмы, все такое.

Вдруг падре знаком показал остановиться. Встав со стула, хлопнул в ладоши, видимо, подавая тайный знак невидимым иезуитским соглядатаям.

Затем он подошел к полуоткрытому окошку кабинета, размышляя о чем-то своем, личном.

Понизив голос до шепота, падре Амбросио негромко начал рассказывать свои мысли.

– В детстве неродной отец, который взял меня из приюта, рассказывал об одном удивительном человеке по имени Леонардо, Леонардо да Винчи. Творившем невероятные произведения искусства и науки. Эмм, ээ, в вашем времени что-нибудь известно об этом человеке? – задал падре вопрос, давно волновавший его.

– Ну как же, в моем времени, каждый школьник и студент знает, кто такой Леонардо да Винчи. Есть даже версия, что он каким-то образом переместился из нашего мира в ваше время, – просветил я изумленного падре.

– Примерно так же, как вы? – спросил приор.

– Можно сказать и так. В моем случае переместилось только сознание, – подтвердил я догадку прелата.

Из окошка повеяло вкусным дымом. Мой желудок непроизвольно заурчал. Падре, услышав, обернулся и оценивающе посмотрел на меня, немного похудевшего после проведенных в тюрьме дней.

Вздыхнув, падре взял колокольчик, несколько раз звякая в него.

Мигом появился в дверях услужливый иезуит.

– Принеси нам вина и еды, – приказал приор службе. Иезуит исчез, растворившись.

Через минуту он снова появился, неся поднос с кувшином, стаканами и блюдом с овощным рагу. Поставив всё на стол, слуга снова растворился в дверях кабинета.

Молчащий доселе приор махнул рукой, приглашая к столу, разливая вино в стаканы.

– Давайте: ешьте, пейте.

Дважды приглашать не потребовалось!

Оголодавший за последнее время, я с жадностью набросился на пищу.

Падре внимательно смотрел, словно изучая под микроскопом.

– Это «херес» старого года. Пейте, не бойтесь, не отравленное.

– Благодарю, ваша милость, – пробурчал с набитым ртом.

– Допустим, то, что вы говорите, есть чистая правда. Но есть два вопроса: что делать с вами? И с какой целью прибыли сюда из своего, так сказать, будущего? – спросил падре, прихлебывая вино из стакана.

Погрузившись в принятие еды, прямо ответил:

– Моя цель миссии – найти здесь одного человека из моего будущего. Это важно для будущего, но кого именно, я сам точно пока не знаю.

– Человека, похожего на вас? – уточнил приор. – В смысле, характером, мыслями?

– Скорее всего, да, – снова подтвердил слова падре, – только знаю, что он находится здесь, в Толедо.

– Даже не знаю, чем вам помочь. Я знаком со многими людьми из городского света, но таких не припоминаю, – протянул падре. – Ну хорошо, как быть с вами? У меня на руках доносы от знакомого вам князя, от тюремной стражи, вкупе с одним сумасшедшим заключенным.

– А что делать? Все это дело рук дона: донос, покушение на меня с помощью бандитов. А сумасшедший сошел с ума, он наговорит что угодно, – привел я доводы.

– Кстати, мне тут недавно докладывали, что в одном городке Альбасте, в наше отделение ордена доставили одного сумасшедшего, который утверждал, что он якобы из далекого будущего. Кричал, что он послан сюда с какой-то миссией, вообще нес всякий бред.

Вы не знаете, этот человек был из ваших людей?

Я пожал плечами.

– Может быть, он послан до меня, я не знаю. А почему был? Что с ним потом стало?

Падре, помедлив, ответил вздыхая:

– Что, что... Сожгли его на костре, как еретика. На всякий случай. Там в Альбасте.

Снова повисла тягостная тишина в кабинете. Падре махнул рукой, разгоняя невидимую тень угрозы:

– Не бойтесь, здесь, это с вами не произойдет.

– Допустим, допустим, вы мне нравитесь своей прямолинейностью, да и прямых улик против вас нет, – потом проговорил падре, расхаживая по кабинету, продолжая диалог:

– В свете последних веяний политики Мадрида и мнений нашего главы ордена Франциско де Сиснероса, святуго инквизицию ждут большие перемены. Скоро должны прекратиться пытки и костры еретиков и неверных, оступившихся людей. Вот что делать с доном? Он у меня как кость в горле торчит. Дуэлянт, убийца, городской интриган и бабник: в общем, не самый добрый католик на этом свете, – поделился своими соображениями падре.

– Князя беру на себя, – смело ответил я, выпив всё вино и очистив блюдо с едой, – случайная дуэль, и проблема решена, наша общая.

– Только давайте на этот раз деритесь на дуэли без своих приемов, которые из будущего, – одобрил план прелат Амбросио.

– А вот с этим сложнее будет: фехтованию на шпагах не обучен, – с разочарованием заявил я падре.

Прелат задумчиво барабанил длинными твердыми пальцами по столешнице, обдумывая ситуацию.

На одном пальце красовалось серебряное кольцо с огромным кристаллом хризопраза.

– Вы родом из поместья Рада де Аро? Я слышал, вроде там у вас сейчас живет неплохой мастер фехтования, у него можно брать уроки. К тому же вас сейчас можно будет выпустить под так называемый домашний арест. А по слухам из Мадрида, скоро предстоит новая военная кампания во Фландрии. Это спишет все ваши грехи: прошлые и будущие.

– Да, это выход, заодно проведу своих родственников, – согласился я с аргументами падре.

– Значит, решено. Завтра поедете вместе со мной, я тоже еду в ту сторону Испании по делам ордена, – наконец вынес вердикт приор, – сейчас подпишу бумагу о вашем домашнем аресте. Получите деньги на проживание и всё остальное причитающее вам жалованья из городской казны. Ваши вещи заберёте у капитана гвардейцев. Грамоты можете получить себе назад. Выезжаем завтра утром, после рассвета. Встречаемся возле городских ворот Алькантара, – распорядился падре по-военному, затем садясь за стол, выписывая бумагу об освобождении.

Наконец подписав, падре Амбросио с удовлетворением выполненной работы передал все мои бумаги вместе со свитками.

– Всё, можете идти, до встречи завтра. Постарайтесь не вляпаться в какую-нибудь историю, – добавил прелат на прощание.

С достоинством, сделав глубокий поклон, вышел из кабинета приора навстречу новым похождениям.

Конечно, по опыту понимал, что такие люди, как приор, так просто своих жертв не выпускают из мышеловок.

Внутри себя чувствовал, что приор имеет тайные планы, не ставя в известность при этом. Что ж, ладно, проживем—увидим.

Да только кажется, сам приор являлся наследником тайной «магии», владел некоторыми инструментами воздействия на обычных людей.

Не зря у него на пальце, красовалось необычное кольцо с хризопразом.

Длинная дорога домой

Рассвет растекся кроваво—алым цветом утренней зари по безлюдной земле, окрашивая окрестности пейзажа старинного города, близлежащих домов и улиц, прилегающих к Алькантарским воротам.

Куда я, прогуливаясь по пустым улицам, пришел с новой лошадей, ведя за собой под уздцы, под мерный цокот копыт.

Тихо и мирно казалось в призрачном безмятежности, в процессе проходящей жизни, уже однажды казалось минованной.

Вчера весь день прошел в хлопотах и делах, и подготовке к новому переходу—путешествию в «свое» имение под домашний арест.

Выйдя из замка иезуитов, нашел юношу поводыря по городу, провожатого по нужным мне местам. Конечно, не бесплатно: еда за мой счет и пара серебряных монет, которые пообещал потом отдать.

Вот во столько обошелся проводник по городу.

Первым делом мы наведались в городскую казну, типа нашего современного банка. Там я получил жалованье за несколько месяцев: четыре десятка золотых дублонов. Не без проводочек, конечно: бюрократия была, как и везде. Пришлось прибегнуть к угрозам, козыряя знакомством с приором Амбросио.

Потом совместный обед в подвернувшийся таверне, где присмотрел вполне приличную ночлежку, находившуюся по соседству с таверной.

С поводырем сходили на местный рынок, там прикупил лошаду со сбруей, не за дорого.

Потом прокатились на лошади, обкатывая её, до гвардейцев на воротах Алькантаре. А именно до капитана, у которого находились изъятые вещи: клинки, плащ со шляпой, безделушки, дорогие как память предшественнику в «моем» теле.

Да и оружие не помешает иметь при себе здесь, на всякий случай.

Жирный капитан с удивлением узрел меня, когда я потребовал выдать изъятое оружие и мои вещи. Наверно, он глаз положил на них, рассчитывая на то, что я не вернусь из тюрьмы.

С бледным лицом капитан попросил удостоверить сей факт, что я на законных основаниях здесь, а не сбежал из-под стражи.

С улыбкой на устах показал бумагу о своём освобождении.

Натужно кряхтя и вздыхая, капитан выдал вещевой мешок.

Вскрыв его, при нем сверил наличие имущества, пугая приором и тюрьмой в случае их недостачи.

Но всё оказалось на месте. Повезло капитану на этот раз.

Так и сказал ему прямо, на прощание.

Потом мы вернулись в приглянувшийся ночлег при таверне, запоминая при этом дорогу. Снова накормив и рассчитавшись с проводником, устроился на ночлег. Размеренно выполнив комплекс вечерних упражнений и немного помедитировав, лег спать, заодно планируя завтрашнее время. Так и прошел день после освобождения.

На закрытых в столь утренний час воротах, дежурила пара сонных гвардейцев из стражи. Хмуро и неприветливо взглянув на меня, снова оперлись на алебарды.

Вскоре послышался шум приближающейся конной повозки, она катилась, громящая колесами по каменной брусчатке.

И точно, показалась скромная карета черного цвета с кучером и парой сопровождающих её всадников.

Подкатившись ко мне и воротам, карета остановилась, кучер натянул вожжи лошадей, тормозя движение. Гвардейцы мигом очнулись, подгоняемые криком спутников экипажа. Ринулись откупоривать массивные ворота, с трудом приоткрывая их.

Занавеска в карете отдернулась, не полностью открывая лицо приора Амбросио. Знаком пальца он велел двигаться вслед за кортежем.

Ворота открылись, и я запрыгнул на лошадь, направляя на выезд из города, на мост, где катилась карета приора.

Переехав мост, кортеж направился по безлюдной дороге на восток, удаляясь от города, там мы развили большую скорость скачки.

Кучер кареты непрерывно погонял длинным хлыстом, запряженную четверку коней, не отставая от нас, одиночных всадников.

Через два часа непрерывной и быстрой езды, движение отряда замедлилось, давая уставшим коням передышку.

Карета встала на месте, видимо по приказу прелата.

Кучер обратился ко мне:

– Синьор, передаю просьбу падре Амбросио: он хотел бы с вами побеседовать. Только оружие отдайте, а лошадь им, – кучер мотнул головой, показывая на охрану приора.

Подчинившись, слез с лошади, отводя к одному из охранников, потом разоружился, снимая перевязь с клинками, отдавая её кучеру. Зайдем, раз приглашают, почему нет. Открыв дверцу кареты, залез внутрь, усаживаясь на сидения, напротив приора.

– Сын мой, дорога дальняя, давайте поговорим, о чем-нибудь, – предложил падре.

– О чем, например? – отозвался, разглядывая небогатое убранство кареты и аскетичного приора.

– Двоим умным людям, всегда есть о чем поговорить, не так ли? – ответил на вопрос приор, снова спрашивая. – Например, о церкви и религии: что об этом, известно, в ваше время? Я усмехнулся, приор не был так прост, каким казался быть.

Ладно, поделимся с ним некоторыми историческими фактами, личными наблюдениями:

– В моё время церковь и религия, утратит влияние, на власть и на жизнь людей. Например, в России, к власти придут большевики на семьдесят лет, во главе Лениным и Сталиным, почти полностью искореняя церковь и религию.

Приор задумался, поглаживая перстень на пальце, было видно его что – то гложило изнутри, через минуту молчания он предложил:

– Давайте вино попробуем. Его вчера вечером принесли подношением, один гранд из столицы, это вино пятилетней выдержки.

Я кивнул головой, в знак согласия, дорога дальняя, а так веселее будет, да и беседа пойдет. Прелат достал фляжку из сундука, потом пару кружек, передавая одну мне.

На ходу, разливая вино по кружкам, приор проговорил молитву, приурочивая её к обеденной мессе.

– Амен, – приор отпил вино, задумчиво глядя в окошко кареты.

Последовав примеру падре, смаковал настоящее вино.

– Что вы понимаете под понятием католическая церковь? – спросил падре.

Я пожал плечами, – извиняюсь, но я полный профан, в таких делах.

Падре Амбросио оживился, говоря:

– Тогда небольшая лекция, на эту тему. Католическая – означает по всему целому, то есть во всей полноте, целостности, часто сблизается со словами – вселенская или всеобщая. Это из греческого языка.

Католическая – произошло из латинского языка, заимствовав в тоже время из греческого языка это понятие.

Оба два понятия схожи по смыслу, и в то же время нет.

Христианство после Никейского Собора, разделилось две ветки: Византийскую, распространившуюся на землях РOMEИ, то есть православную.

Которая, потом прошла на северо—восток, принесенная славянскими князьями из византийских походах, на землю Руси.

И на римскую, то есть латинскую и греческую, превратившуюся в католическую церковь и веру. Было произведено десять крестовых походов, огнем и мечом распространяя эту веру по миру, под предводительством наших святых Пап. Вы пейте вино, давайте ещё налью вам Риккардо, или как вас, там называют, на самом деле?

Я подставил кружку, под горло фляги, выговаривая забытое имя:

– Евгений, там такое имя у меня.

Прелат продолжил, после паузы:

– Евгений, давай небольшую тайну открою. В латинской, католической вере, Святую Троицу отрицали, и будут отрицать.

И будут поклоняться папе римскому и богу Христу.

Сам Папа – это Человек, олицетворявший бога на земле.

Папа, является как, живым апостолом на земле. Оттого католическая вера называется апостольской. Оттого у нас, католиков и протестантов, всегда было двуперстие и двойное пение «аллилуйя». Во имя отца-Бога и человека-Спасителя.

Святой дух отсутствует, его олицетворяет Спаситель.

В этом и есть, главное отличие, нашего латинского учения от православного.

И самое главное: готовится переворот, на землях вашей русской Империи. Церковный переворот. Сейчас его сдерживает, только один фактор.

Молодой русский император – Романов Алексей Михайлович.

Ваш Царь Алексей Михайлович, он есть вовсе не второй, безродный боярский Романов, якобы сын патриарха Филарета, а является прямым потомком великого князя Владимира Святославовича. По родству, а не по воле вашего нелепого голосования от 1612 года.

То есть, приходится внуком императора Феодора Иоанновича, от рода Рюриковича.

Сам Михаил Федорович, является потомком, тайным сыном, Феодора Иоанновича.

Ты что ли веришь: что ваша династия Романовых, пошла от малоизвестных бояр, «Захарьиных-Кобылиных-Кошкиных-Романовых», откуда и вышел якобы первый Романов, сын священника Филарета, Михаил Федорович?

Мол, его признали царем двухраундовым голосованием, что само по себе есть глупость великая. Ведь монархия и демократия, антагоничны в принципе.

Признаюсь честно, Евгений – это наши интриги.

Тем паче, патриарх Филарет, не мог быть отцом царя Михаила, по определению.

Стать патриархом, мог только священник из черного духовенства, то есть следовавший монашескому обету безбрачия, на протяжении всей своей жизни. Наши прусские агенты, здесь здорово промахнулись, приняв за истину, немецкий перевод вашего понятия «патриарх» – как отец.

Но они, были уверены в своей безнаказанности, и решили, что сойдет и так. А он вообще, детей иметь не мог по-вашему, церковному укладу.

При этом, наши агенты упустили, совершили ещё ряд ошибок.

Вот как, обосновать претензии Романовых на царский трон?

Придумали мы следующее: мол, этот самый Роман Юрьевич, был отцом первой жены царя Ивана Грозного – вот тебе и обоснование.

Но согласно древнему закону, ваши русские князья наследовали трон, только по мужской линии. Это есть незыблемый канон, и не только в твоей, холодной России.

Родственники по женской линии, никаких легитимных прав на княжеский, а тем паче, на царский, великокняжеский трон иметь не могут.

Они не являлись принцами крови.

Если учесть, что все ваши Захарьины, то есть боярские будущие Романовы, были полностью уничтожены во времена великой Смуты. Сами три последующих царя тоже были настоящими. Все эти ваши Шуйский, Годунов, Лжедмитрий он же Сигизмунд Третий Ваза. Да, смута была, но все это мелочные интрижки, против правления русских Императоров. Какие «медные» бунты? Если у вас даже пушки отливали из серебра.

Ваши «ефимки» являются твердой мировой валютой, в нашей католической Европе.

Ты веришь, что ваши цари болели цингой? Бред!

Это наши, при дворе агенты, травили ваших царей, различными ядами.

Слишком долго рассказывать теперь, Евгений, о происхождении ваших Романовых, по-гречески Romonoves.

О том, как они приняли титул Царей, как Василий Третий, отец Ивана Грозного, сто пятьдесят лет тому назад, привел в зависимость меньших Князей Русских.

Сам термин Romonoves, заметь, не Romanovs, означает попросту новых римлян, от латинского слова «nova roma», то есть новых, римских императоров, властителей Европы. Они появились задолго до первого, вашего безродного боярина Романова Михаила.

Вот так, что скажешь? Не так все просто, а? Признайся, Евгений.

Сколько сил мы положили на это, оцени немного!

В душе поднималась ярость, к иезуитам—католикам, которые чинили интриги, убивали и травили русских царей, сеяли непонятные смуты: много чего творили, против русских людей...

Лицо исказило гримаса злости, непроизвольно ладони сжались в кулаки, с силой выдохнул:

– Для чего, вы это все затеваете? Ответь, чертов католик!

Приор заметил мои жесты, со зловещей ухмылкой, проговорил в ответ:

– Вот такие тайны мадридского двора. Совершили мы десять крестовых походов, захватывали Иерусалим и Константинополь.

А что толку? – прелат огорченно махнул рукой, затем продолжил развивать мысль:

– Сейчас воюем: Испания с Францией, Франция с Англией.

Всё это мышьяная возня. Негде нам развернутся, Евгений! Наши католические короли жаждут власти и земель, церковь и наш Папа желает распространить католичество по всей восточной Европе, а нам постоянно мешают русские цари вместе с Россией.

Приор всё говорил и говорил, но я его не слушал.

В голове проносились всякие мысли. А что если прямо сейчас завалить этих католиков, да и свалить в Россию, да к царю батюшке, предупредить его о заговоре. А как же трупы? Или просто позже свалить в Россию?

Да и царь поверит ли мне? Наверяд ли.

Он скажет: «Переодетый испанец». Да на кол посадит.

Как тогда моя миссия? Считаю, провалил задание.

Да и Хозяин, велел не вмешиваться, в ход пройденной Истории.

«Да, дилемма. Как поступить мне?» – бесполезно гадал и ломал, голову.

Стоп. Надо успокоиться и взять себя в руки.

От тяжких раздумий, отвлек резкий толчок, карета остановилась.

– Евгений, давай проветримся, ноги разомнем, – громкий голос католика прелата, проник в уши.

«Да, надо отвлечься, от быстрых и безумных идей», – подумал, вылезая из кареты, на свежий воздух, немного опьянев от вина.

Ноги почему-то подкашивались, не слушаясь совсем.

Выходя на зеленую прогалину лужайку, окруженную густым лесом.

Покачиваясь, отошел на несколько шагов, любясь природой, незагаженной цивилизацией. Почувствовав близкую угрозу, резко обернулся – меня обступили католики.

Два гвардейца стражника, с клинками наголо, держали под прицелом шпаг, во главе с падре Амбросио, который стоял поодаль.

– Ну что, Евгений, как самочувствие ваше? – деловито осведомился падре, потирая озабоченно руки.

– Вино отравленное. Яд меня не возьмет, я принял противоядие, а вот тебе придется сдохнуть, если откажешься от моего предложения. Здесь и сейчас. А как ты думал: такие тайны, только мертвые умеют хранить, и верные, преданные мне, люди. Хочешь противоядие? Не слышу ответа, Евгений?

«Вот уж, с хрена с два вам!» – подумал слабеющим мозгом, запоздало применяя практику «Зеркало Изида», экстренной нейтрализации, таких поражений организма. Но необратимо, яд проник в кровь, начиная воздействовать внутри на органы.

Всё. Мои ноги окончательно подкосились.

Бесконтрольно разуму, я рухнул на землю, на колени.

Подойдя ближе приор, высказал предложение, от которого нельзя отказаться:

– Мне нужно, чтобы ты, Евгений, выполнил одно, маленькое поручение. Небольшую услугу, в знак дружбы и оплаты за свое спасение.

Говори громче, Евгений, я не слышу тебя.

Теперь стало понятно, прелат хотел использовать меня в качестве пешки, в своей шахматной партии!

– Si has ido a un miembro de la, – послал прелата на чистейшем испанском языке, далеко и подальше.

– Ты сам сделал выбор. Вот и всё, славянин, отправляйся в свой рай, или к себе в тело, если сможешь, – с едкой ухмылкой, ответил приор.

Оперившись на руки, не хватало воздуха, было трудно дышать, я тихо выговорил:

– Отчего же, давай поговорим немного, перед моей смертью.

Ты же мне, умирающему, не откажешь в исповеди и в отходной молитве? Так ведь, падре?

Прелат подошел ближе, опустил на колени, возле меня.

С трудом выговаривая слова, онемевшим языком, я обратился к приору:

– Вот ты падре проповедуешь веру, веришь в бога – а всё это есть бессмыслица, на самом деле.

Падре со вниманием слушал, почти прильнув, упрямая:

– Говори, говори, дьявол тебя задери! Что есть там, на самом деле?

– Да нет ничего вашего, придуманного, иллюзорного мироздания.

Религия – часть механизма паразита, убивающего наш реальный мир.

В ней нет ничего необходимого людям, ничего не рухнет без неё.

Приобщение к любви в религии – вообще ваш суший бред, тем более там подменены во всех религиях понятия.

То, что подсовывается людям, не имеет особого отношения к тому, что есть в реальном мире.

Фактически, прелат, твоя религия, (любая, а не конкретная): механизм блокирования врожденных сил и способностей человека, гармонии с миром, через иллюзию религии и церкви, через подключение к системе «паразита».

Есть четыре разных вида внешнего управления или божественного фактора (для обычных людей), который может влиять на нашу реальность и восприниматься под понятием «Бог».

Не в смысле разных религий, а в смысле совершенно разных элементов реальности, не тождественных друг другу.

Среди этих частей, нет негативных факторов, но они не одно и то же.

Каждое вкладываемое понятие, например: полюс, сила, сущность, или сумма того и другого и третьего. Всё может восприниматься, как Бог или Творец.

Просто это связано с глобальной позицией, по отношению к нашему Миру. Обращение «Господи», адресовано к тому, что называется «паразит».

Принцип формирования здорового социума, или минимальная социальная единицы, больше двух человек, или группа людей, это и есть, в изначальном смысле церковь.

И не идет речь о каких-то рамках, ограничениях. Идет речь о сотворчестве, в гармонии с высшим разумом.

– И что нужно сделать, или делать? – спросил падре.

– Сделать нужно не «что» – а себя. До «моего» времени, человек являлся частью, большой церковной системы.

Но если, человек видит в линии поведения религии, тупик для своего личного творческого пути – то смысл держаться за это?

Можно попробовать найти компромисс.

То есть, поддержкой религии пользоваться, а делать все самому, в рамках своего понимания жизни.

Но проще научиться самостоятельно, контролировать все жизненные процессы вокруг себя, поскольку это стимул к росту.

Там где религия – нет опыта самостоятельного контроля, а он нужен».

– Хочешь сказать, бога нет совсем, в нашем мире? – изумился падре.

Я ответил бессильным голосом, переходящим на глухой шепот и хрип, задыхаясь от удущья, продолжая делиться предсмертными знаниями:

– Можно сказать, что людей, искусственно привели, к упрощенному пониманию положения вещей, и хихикают над тем, как они повелись над этим. В религиозном плане – нет бога, прелат.

Поскольку все люди, или приличное большинство, сами Боги по сути, в потенциале, если их восстановить до нормального состояния.

Относительно этого, нашего Мира, прелат, есть не Бог, а Боги.

Но среди них, однозначно был тот, кто вел процесс как главный.

Влияние на мир: в смысле его конструирования, собрания – оказывали все участники «процесса». Их было много.

Плюс – этот наш Мир, далеко не единственный.

Люди здесь находится в непонятном состоянии.

Часть людей на Земле, очень малая: сами местные «боги», не осознающие себя в этой роли. А другая часть людей, как бы «боги в гостях».

Это те люди, кто может аналогично создавать свои миры, но застрял в этом мире, искусственно введенном в состояние низких вибраций.

Вроде куска янтаря, где насекомое влипло на пару миллионов лет.

Блокировка, текущего убитого состояния, этого Мира.

Соответственно: Бога, в понимании некоего существа, следящего, помогающего или наказывающего, ответственного за наш частный вариант этого мира – Нет.

В разных ветвлениях Мира, есть причудливо иные религии.

Есть искусственно созданные, магические машины, для контроля толпы, воспринимаемой их Создателями, как животного быдла.

Есть пораненное сознание планеты, напрямую связанное с нетронутыми проявлениями биосферы. Оно себя идентифицирует как личность, как дитя Творцов, создавших этот мир. (Ноосфера)

И по нашим человеческим меркам, его возможности божественны и безграничны.

Как и возможности другого полюса системы, в котором сидит имплант внешней цивилизации, как загипнотизированный человек, позволяющий думать только заданным образом. («Паразит»)

Но это все дети, все они порождение «Тех, кто создал этот Мир».

А эти все люди, воплощаются в нём же. Или в подавляющем большинстве.

Некоторых людей, «отловили» так, что они не воплощаются.

Некоторые, находятся во внешних мирах.

– Как я... – с трудом выговаривая слова, темнело в глазах от удушья, от сильного яда, руки сводило судорогой, изо рта пошла рвота с отравленной кровью.

Падре поднялся с колен, отряхивая руки, пойдя к дороге и карете, бормоча латинскую молитву, приказывая своей страже: «Оставьте его здесь, вместе с вещами и лошадей. Амен».

Стражники, подойдя, брезгливо бросили около меня вещи, оставляя на дороге одинокую лошадь. Бросая одного в безлюдном поле.

Затем садясь на коней, удаляясь в дали дороги, вместе со звуками, топота скачущих копыт лошадей, вслед за каретой прелата.

«Зеркало Изиды», помогало ещё существовать и бороться с отравой.

Преодолевая безумную слабость, поднялся на колени, двигаясь по инерции, в направлении к краю дороги, надеясь выползти, тихо подзывая лошадь к себе.

Необходима вода – срочно.

Обычная вода, в большом количестве, чтобы немного очиститься.

Вода находилась в моих вьючных сумках на лошади.

Проваливаясь в принужденную, смертную кому от яда, перед глазами поплыли сюрреальные, бессвязные видения.

Они двоились и троились в затуманенных глазах, коверкая визуальную картину. Рыжий лев, с развевающейся гривой, рыча и разевая огромную пасть, обдавая жаром, приблизился ко мне.

Одновременно преобразуясь в рыжую лису.

Рыжее животное – в рыжеголовую морду лисицы, пытающееся сказать, безмолвно открывая пасть. Потом переходя в образ рыжеволосой женщины, в тот далекий, давно забытый образ девушки с рыжими волосами, которая появилась тогда в землях Зоны Отчуждения.

«Воды, воды, дайте воды», – бредил, обращаясь к миражу, умоляя не зная кого. На лицо полилась жидкость, заливаясь в рот.

Словно во сне, не ощущая её вкуса и влажной прохлады.

– Кто ты Лиса, Алиса Лиса, что ты здесь делаешь, ты Анна что ли? – спросил в забытьи, расплывчатый образ, или образы, крутящиеся передо мной. Её далекий голос, эхом отозвался в голове:

– Это я, Анна, всё будет хорошо, Джоник.

Все будет хорошо: успокоившись, наконец, позволил себе окончательно отключиться.

... Я открыл глаза, пытаюсь понять, где и что со мной произошло, но ничего не увидел, не разглядел в окружающей тьме.

Ослеп, промелькнула мысль, напугав меня.

Протянув руку к лицу, нащупал влажную повязку, пахнущую резкими запахами лекарств.

Сдернул повязку и понял, что нахожусь в темной комнате, лежащим на жесткой кровати. Мягкий полумрак, окутывал неприветливую комнату, свет давала только одинокая свеча, стоящая где-то на столе.

Я не знал, сколько прошло времени, с того момента, когда вырубился, но чувствовал, что довольно прилично, видимо наступала ночь.

Привыкнув к мутному полумраку, разглядел силуэт женщины, неподвижно сидящей возле. Она держала в руках мои шкатулки и безделушки, из вещевого мешка, внимательно разглядывая их.

Да, я не ошибся, она удивительно чем-то похожа, на тот образ из забытья, в тоже время, она совсем другая.

– Кто вы, как я сюда попал? – обратился к ней, приподнимаясь на постели, скорее желая встать на ноги.

– Сеньор, я вас подобрала, лежащего на дороге, совершенно без чувств, когда я отправилась в Толедо, посмотреть новую премьеру театра, – ответила молодая женщина, певучим голосом, улыбаясь:

– Но сердце билось. Поэтому я вас, привезла сюда, вместе с вашими вещами и лошадью, в ближайшую деревню. На ваше счастье, здесь оказался местный лекарь, который помог прийти в себя от сильного отравления.

Позвольте представиться: я герцогиня Ребекка де Мендоса. Замужем за грандом, герцогом Антонио де Мендоса-и-Пачеко, владельцем поместья Торре – Пачеко, входящие в Арагонское королевство. Это совсем на другом краю Испании. Поместье расположено около моря Средиземноморья, —

Мягким, грудным голосом, рассказывала необычная женщина—спасительница, появившаяся из ниоткуда, словно с небес.

– Благодарю вас от души, за помощь, – сдержанно поблагодарил её. – Простите, наверное, я бредил в забытье, но вам ничего, не говорят странные имена: Анна и Джоник?

Ребекка вздрогнула как от удара, прошептав:

– Неужели я вас нашла.

... Я проснулась от назойливого шума.

В голове мелькали обрывки красочного сна, и потому глупо улыбалась: «Где же я, где герцогиня из моего сна? Это надо такому присниться!»

Но открыв глаза, с ужасом лицезрела, совсем не свою спальню.

Огромная кровать, на которой проснулась, украшена тяжелым красным балдахинном, да и представившаяся пред мной комната, как из исторического фильма.

Посмотрев на себя, увидела: я одета в мешковатый, белый балахон, похожий на «ночнушку». Зеркала нигде не нашла, но заметила, вместо короткого, привычного рыжего каре, на плечо спускается тяжелая коса, медного цвета. Все-таки помнила, что по природе шатенка, просто перед уходом в Зону, коротко постриглась и перекрасила волосы в рыжий цвет.

А женщины в Испании, имели преимущественно, натуральный черный цвет волос. Но им хотелось разнообразия. С появлением «хны», женщины стали красить волосы в рыжий цвет. Согласно испанской моде того времени. Да и фигура явно получше.

Определенно я себе нравилась: «Но что за черт возьми, здесь происходит?! Сон во сне?»

Я ущипнула себя за запястье, и тут не сдержавшись, закричала от боли.

Значит не сон. Не успела обдумать положение, как резная дверь комнаты растворилась, зашла молодая девушка, в белом переднике.

Она принесла блестящий поднос, с предметами для утреннего туалета, набором разных расчесок, поставив на туалетный перламутровый столик:

– Герцогиня, сеньора Ребекка, вы встали? Герцог Антонио вас ожидает внизу. Ваше платье готово. Прикажете нести? – спросила девушка.

Я стояла в ступоре. Герцогиня...

Тут вспомнила все, испытывая шок и потрясение:

Как рассталась, с несостоявшимся женихом. Потом пропажа отца.

Поиск его в Зоне Отчуждения, в группе проводника Джоника.

Отца нашла, на окраине Мертвого Города, захоронив наскоро его труп там, с помощью новых друзей сталкеров.

Потом нас захватил Хозяин, шантажом заставляя отправиться выполнить его задание. Согласившись, проводник, полез внутрь «перемещателя», но все пошло не так. Джоник застучал там изо всех сил, пытаясь вырваться, но все тщетно. В тот момент, Хозяин, оценив ситуацию, попросил отправиться туда, с помощью «перемещателя». На бегу, кратко рассказав конец инструкций.

Мне терять было нечего, и полезла, в «прибор».

Не задумываясь о последствиях, осознанно шагнула в пропасть, такая моя женская натура. Проваливаясь в сон, летела на облаке вверх, потом бесконечно вниз, до полного потери ощущения времени и пространства...

Закинуло так закинуло, вот я попала так попала.

Интересно у них блага цивилизации есть: туалет или ванная, да хотя бы душ? А то, помня историю, пора взвыть, так как в то время купание было большим грехом. И даже богатые купались пару раз за всю жизнь.

Блин, раз герцог ждет, я и замужем, для полного счастья?!

Полная идиллия. У меня только забыли спросить: нужно оно мне или нет.

Но все ради нас, части той самой, поисковой группы, проводника Джоника. Может он, где-то здесь, в сумасшедшем, призрачном мире.

Пока мысли лихорадочно скакали в голове, молодая служанка терпеливо смотрела, ожидая ответа. Герцогиня, так герцогиня! Поиграем!

И злорадно улыбнувшись, произнесла:

– Наряд должен быть на мне! Что за нерасторопность? Выгоню тебя к черту!

– Донна герцогиня, простите, – голос девушки предательски задрожал.

Моё сердце на минуту вздрогнуло, но вспомнила для чего я здесь.

Надо быть жесткой и сильной, потому пресекла девушку:

– И никаких слез! Ненавижу их. Если через минуту не буду одета, уйдешь с работы без пенни.

– Я мигом, – девушки—служанки и след простыл в дверях.

Задумчиво смотрела из окна на высоте, на утренний туман, который немного скрывал очертания огромного, нового убежища или приюта.

Вдали виднелась морская, темно—синяя гладь, манящая бескрайностью.

Всё так походила, на страсть к горам.

Я подошла к столику с подносом, выбрала расческу, стала медленно расчесывать свои новые, шикарные, цвета темной меди, длинные волосы.

Всегда мечтала о таких волосах и причёске, да и о доме, похожим на настоящий замок из сказок.

«Ну что Анна-Ребекка, ты сильная! Ты справишься!» – улыбнулась привлекательной девушке, то есть, вполне зрелой женщине.

Женскому образу, промелькнувшему в стекле оконной рамы.

Тут вбежала запыхавшаяся служанка, с ворохом тряпок, белья и нарядов в руках.

«Боже мой, это средний век, придется терпеть кринолины и корсеты!» – ужаснулась мысленно.

Я больше по характеру, пацанка: все рюшечки—вышивки ужасно бесили.

Не кисейная барышня, что там скрывать.

А теперь придется, соответствовать всем приличиям и нравам.

Еле вытерпев экзекуцию с надеванием одежды, с помощью служанки, величественно стала спускаться вниз по лестнице, вслед за служанкой.

Величественно – а по-другому, никак не получится.

Попробуйте сами вальяжно ходить, когда на тебе, как минимум, пять юбок с кольцами. Да ещё палка в спине, по-другому это орудие пытки, называемое корсет, назвать не могла. Хотя, он выгодно подчеркивал фигуру, делая грудь больше и аппетитнее, а талию тоньше.

В предвкушении необычного, ожидала встречи с «мужем» герцогом.

Интересно, какой он будет: старый, молодой, симпатичный или не очень?

Будем надеяться, не совсем дряхлый старичок.

И вообще, проснулась сегодня без него, значит у нас разные спальни.

Не хотелось бы проколоться, не зная как ведет себя Ребекка в постели.

Мелькали мысли симитировать несчастный случай с якобы потерей памяти, надо будет объяснять, почему вдруг изменилась.

Мысли о супружеском долге и потери памяти улетучились, стоило зайти в просторное помещение, служивший столовой, судя по длинному столу, накрытому разнообразной едой. Разбежались глаза, а желудок не преминул напомнить, что не ел давно много времени.

Стала оглядываться по сторонам, в поисках супруга, и тут глаза загорелись гневным огнем. Я нашла, почувствовала законного муженька.

Вместо того, чтобы встречать супругу, он зажал в углу служанку и нагло залез ей под юбки. Сказать, что я зла, ничего не сказать. Я в бешенстве!

Да как он посмел, так унижать при прислуге. И я что должна это терпеть?!

Я конечно, понимаю: средние века, любовницы, фаворитки, да пусть хоть гарем устроит, но унижать себя не позволю!

Поэтому подойдя к супругу, с милой улыбкой похлопала по плечу, хотя хотелось врезать в скулу, и ангельским голоском произнесла,

– Антонио, милый, я здесь. Прости, что заставила ждать. Но смотрю, тебе не давали скучать, – к концу этой фразы, в голосе послышался металл.

И потаскушке сказала, пока растерянный Антонио приходил в себя:

– Пошла вон отсюда! В твоих услугах больше не нуждаемся.

Затем подозвав знакомую служанку, которая меня одевала, спросила шепотом:

– Тебя как зовут? А то всех ваших имен не упомяну.

– Конни, донна Ребекка, – ответила служанка, делая реверанс с поклоном.

– Передай всем, Конни, остальным служанкам, что если я только увижу, что-нибудь подобное: будет плохо всем, – громко озвучила строгий наказ.

В остальном, весь завтрак прошел в благопристойной атмосфере.

Антонио оказался приверженцем пословицы: «Когда я ем, я глух и нем».

Так что, мне не надо бояться попасть впросак, с неизвестным вопросом. Быстро поев, супруг, дон герцог, этот Дон Жуан, умчался по мужским, наиважным делам. Не ставя в известность, гремя шпорами, поручив все дела по дому и поместью, мне конечно.

Женщина – она лишнего слова тут сказать не может.

Супруг, кстати, оказался чуть больше среднего возраста, старше лет на десять, вполне, себе так симпатичный, с аккуратной бородкой и усиками.

И может понравился бы при других обстоятельствах, но сейчас не до отношений.

Надо попытаться найти Джоника, да уходить с непонятного времени.

После завтрака, решила исследовать владения и замок.

И попытаться найти библиотеку. Надо узнать побольше, о месте куда я попала. Информация во все времена, разменная монета.

На первом этаже, наткнулась на кухню, где всю кипела работа, там прислуга суежилась, приготавливая кушанья.

Потом даже, нашла своеобразную ванную.

Хотя одна проблема решилась, все-таки здесь мыслись.

Сделав памятку в голове, чтобы не забыть её местонахождение, пошла дальше и увидела дверь, которая вывела во внутренний двор, вымощенный красивой узорчатой плиткой.

Во дворе раскиданы различные постройки, видимо дома прислуги, конюшни и склады.

Решила, что двор исследую позже, вернулась в дом и стала подниматься по лестнице на второй этаж. Пройдя пару комнат, тронутые следами затхлости и нетронутой пыли, гости давно не приезжали, не навешали этот дом, я наткнулась на комнату, которая представляла собой и библиотеку, и по совместительству кабинет мужа.

Пройдя вдоль стеллажей с книгами, с удивлением осознала, что на обложках написано. С временным телом передались умения Ребекки.

Зачитавшись книгами, с историей времени и места, не стала спускаться вниз, чтобы поесть, благо Конни отыскала меня и принесла сначала обед, а потом и ужин в кабинет. Мелодично звонили колокола, на колокольне храма, отмеривая прошедшие часы, во время служения литургии и мессы.

Я узнала из книг: что сейчас на дворе 17 век, то есть 1643 год, нахожусь в местечке Торри – Пачеко, на берегу Средиземноморья, в королевстве Арагона.

Не знаю, может настоящая Ребекка, тоже любила засиживаться с книгами, или после утреннего разноса, Конни боялась меня как огня.

Но факт остается фактом, меня не беспокоили, поэтому и не заметила, как задремала, за столом. Ну что ж первый день, в новом теле, прошел почти без эксцессов. Посмотрим, как будет дальше.

Проснулась на следующий день, как не странно, в своей кровати.

Видимо, Конни позаботилась, чтобы перенесли, в опочивальню.

Позавтракала в одиночестве, Антонио укатил по делам поместья и государства. После завтрака, решила изучить дворы при поместье.

Выйдя гулять, по застеленному плиткой двору, внезапно набрела на конюшню, да так и застыла. С детства, мечтала научиться ездить верхом. Но отец не разрешал, боялся, что затопчут, да некогда ему было на занятия водить.

Судя по удивленному, вытянувшемуся лицу конюха, сделала вывод, что Ребекка не приближалась раньше к лошадям, так пусть думают, что это новый бзик госпожи.

Конюх чистил рыжего, статного жеребца, а тот недовольно фыркал и перебирал мощными копытами. Я влюбилась в него с первого взгляда, а когда посмотрела, в умные, карие глаза, пропала окончательно.

– Я хочу, чтобы вы научили меня, на нем ездить.

– Да, слушаюсь, гггг еёерцогиня, – заикаясь, сказал конюх, – подождите немного, сейчас подготовлю коня, нужно найти дамское седло, под вас.

Дамское седло или женское, было придумано и сконструировано в 14 веке, чтобы придать элегантности, посадке женщины, верхом на коне. Его особая форма позволяет дамам располагать ноги с одной стороны лошади, при этом одна нога, чаще левая, вставляется в стремя, а другая располагается на верхней луке.

Я подошла ближе к жеребцу, немного боясь дотронуться, коснулась кончиками пальцев, до бархатистой головы, поглаживая за ушком, давая ему прозвище.

– Здесь не получится, слишком мало места. Вот у нас, есть конное поле за двором, – предупредил подошедший конюх, оседлывая жеребца, дамским седлом.

– Хорошо, если так, веди туда.

На выездном поле поняла, что совершенно, не знаю как на жеребца залезть не то, чтобы удержаться. Нет, теоретически конечно видела, но на практике жеребец казался огромным, и я не знала, как к нему поступить.

Конюх помог залезть, посадив на лошадь, я раскачивалась в седле, пытаюсь поймать шаткое равновесие. Наконец, это удалось, кое-как управляясь с поводьями, пускаю коня тихим шагом.

Я была довольна, даже на время отвлеклась, от тяжелых мыслей и своей миссии. Да конечно, до скачки галопом, с развеиванием волос по ветру далеко, но по крайней мере, не свалилась с седла, что уже достижение.

Совсем скоро я буду скакать как в кино!

На следующий день, предварительно покатавшись на Рыжем, решила выйти за ворота замка и посмотреть детально куда меня занесло.

К удивлению и радости, почувствовала соленый, пряный запах моря. Недоверчиво повела носом.

Наверное, синее безбрежье, которое тогда видела из окна.

Не может быть, но вскоре, двинувшись в том направлении, увидела вдали голубую полоску шелестящего моря, находящегося ниже, относительно нашей возвышенности, где расположен замок герцога.

Ласковое море, оказалось почти рядом, на расстояние около четырех километров.

Через некоторое время, прискакала на Рыжем, к пенному прибою, и чинно прогулялась по золотистому берегу, песочного пляжа.

А вдруг, кто-то смотрит.

Я потрогала морскую воду, она приятно охладила руку, учитывая изнывающую жару.

Хотелось с визгом и смехом, окунуться полностью, смыть все печали.

Но тут же одернула: «Ты леди, то есть сеньора, тебе нельзя!»

Но хотелось снять к черту, кринолин и окунуться в прохладную гладь.

Море, море: сколько себя помнила, всю жизнь мечтала жить у моря и высоких гор. Теперь, когда терять нечего, а дома всё равно никто не ждет, неплохая перспектива.

Очень хотелось искупаться, но пообещала вернуться ночью и даже искупаться нагишом, и поспешила в дом.

Скоро ужин, не стоит вызывать лишние подозрения.

«А вот после ужина, когда все уснут, пролезу через лаз в стене, который заметила при утреннем обходе. И поплаваю в своё удовольствие!» – задумала я план.

Еле дождалась ночи, пока весь дом затихнет, накинула темную накидку прямо на сорочку, не стоит одеваться, всё равно надо будет раздеваться.

На небе сверкала полная луна, а я пробиралась по—пластунски, через лаз и чувствовала себя беззаботной девчонкой.

По пути к долгожданному морю, вспоминалось, как в детстве с соседскими мальчишками, залазили в сад к деду Макару, а он иногда ловил нас, с дробовиком с солью: если не успевала убежать, потом больно, ровно сидеть ещё неделю.

Вскоре дошла до моря, отойдя чуть подальше от дороги, сбросила с себя все и с разбега запрыгнула в теплое море, полностью войдя в него.

Красота. Моя душа успокоилась. Я просто наслаждалась моментом.

Только я, море и сияющая, желтолицая луна.

Но возвращаться назад, немного долго и страшновато одной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.